

Мне нравится все, что пишет Элис.
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН

ТОЛЬКО
БУДЬ
СО МНОЙ!

ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!

Элис Петерсон Только будь со мной!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305772
Петерсон, Элис. Только будь со мной!: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83243-9*

Аннотация

Жизнь Кассандре Брукс казалась сбывшейся мечтой: прекрасные родители, славный брат, учеба в престижном Королевском университете, взаимная любовь. Но перелом позвоночника изменил ее мир: возлюбленный покинул Кас, когда узнал, что она инвалид, а друзья не смогли продолжить общение из-за постоянного чувства вины и неловкости.

Существование стало адом для Кассандры. Но надежда на счастье, сила воли и стремление преодолеть недуг помогают девушке справиться с трудностями. Сможет ли она вновь почувствовать сладкий аромат жизни?

Содержание

Пролог	5
1	8
2	12
3	15
4	20
5	23
6	26
7	32
8	35
9	40
10	43
11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Элис Петерсон

Только будь со мной!

Посвящается Саре Опп

Alice Peterson

By My Side

© Alice Peterson, 2012. This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. And The Van Lear Agency LLC.

© Назарова К., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

– Какая же у меня тяжелая голова, – говорю я Шону. Зря я выпила ту последнюю стопку текилы. А вчера казалось, что это то, что надо...

Мы лежим в постели. Шон обнимает меня, его теплое тело прижимается к моему.

– Что ж, мисс Брукс, я знаю одно прекрасное средство от похмелья.

– Какое? Только не говори про сырые яйца.

– Секс.

– Секс?

– Да, секс. – Шон гладит меня по щеке. Вдруг он становится серьезным. – В больших количествах. На всякий случай я выпишу вам рецепт.

– Вы так добры, доктор Ирвин!

Легкими движениями он выводит буквы на моей обнаженной коже.

– Вам необходимо заниматься сексом как минимум три раза в день.

Я смеюсь.

– Утром – миссионерская поза. Днем партнер должен быть сзади. А вечером... – Он делает паузу, окидывая меня изучающим взглядом.

Я переворачиваюсь на бок и устраиваюсь поудобнее на подушках.

– Пожалуйста, продолжайте, доктор Ирвин.

– Вечером – стоя спиной к стене, и вы должны быть в клетчатой мини-юбке и туфлях на шпильках. – Он расписывается в воображаемом рецепте и протягивает его мне. – И чем раньше вы начнете лечение, тем лучше.

– Отлично! Сейчас же позвоню Джонни Деппу.

– Ничего не выйдет. Выписанное лекарство подействует, только если вы будете проходить лечение с парнем по имени Шон. Говорят, он невероятно хорош в постели.

Я недоверчиво приподнимаю бровь.

– А я слышала про него совершенно другое.

В следующую секунду он уже на мне, и мы оба хохочем, а я пытаюсь столкнуть его с себя. Мы катаемся по кровати, едва не скатываясь на пол, целуемся. Шон проводит рукой по моей обнаженной спине... прижимает меня к себе... Но мне удается выбраться из его объятий.

– Извини, мне надо в туалет.

Выходя из комнаты, я слышу его громкий вздох.

– Не задерживайся! – говорит мне Шон.

Я смотрю на свое отражение в зеркале в ванной комнате. Не самое приятное для глаз зрелище: черная подводка размазалась; голову неплохо бы помыть. Выпив две таблетки от головной боли, я чищу зубы. Вдруг до меня доносится крик Шона:

– Принесешь мне воды? Мне тоже как-то не очень...

Мы с Шоном уже четыре года учимся на медицинском факультете в Королевском колледже Лондона. Я только что прошла четырехнедельную практику в педиатрическом отделении больницы при нашем колледже. В следующем семестре нам предстоит отработать три недели сразу в нескольких отделениях: «Скорая помощь», ортопедичка, ревматология и анестезиология. Мы с Шоном часто шутим, что наши мозги скоро распухнут от такого количества информации. Мы ложимся спать, а на следующее утро не можем вспомнить, какой раздел учебника только что прошли.

Сегодня мы в квартире одни. Наша соседка Сара, которая учится с нами на медицинском факультете, уехала домой на Рождество. Совсем скоро я тоже уезжаю к родителям. Семейные праздники вселяют в меня ужас. Выходные проходят нормально, но если мы с

мамой остаемся в одном доме дольше чем на два дня, то жди беды. Уже через пять минут мы начинаем ругаться. «Ты должна изучать юриспруденцию, а не медицину, Кассандра, – говорит она мне. – Ведь тебе так нравится спорить».

Еще у меня есть брат Джейми. Ему сейчас девятнадцать – он на четыре года младше меня. Характером он очень похож на отца: добрый, спокойный, любящий, и на него совершенно невозможно злиться. Однажды на каникулах во Франции он стянул у меня немного денег, чтобы мне же купить подарок. Сейчас он живет в Мадриде и преподает английский как иностранный язык. Он не знает, чем хочет заниматься в жизни, и поэтому не имеет никакого желания поступать в университет. А вот мне с этим повезло: с самого детства я мечтала стать врачом. В школе я всегда с удовольствием делала домашние задания по биологии. А когда я была маленькая, то просто с ума сходила от аптечных принадлежностей. Я даже представляла, что мои игрушки получили травмы или чем-то больны, и лечила их разнообразные болезни. Папа никак не мог понять, откуда взялась моя страсть к медицине, потому что у нас в семье никто бы и близко не подошел даже к шприцу. А Джейми вообще теряет сознание при виде крови.

– Скорее, Кас! Я умираю от жажды.

Вернувшись в спальню, я даю ему стакан воды.

– Лежебока. Сам, что ли, не мог сходить за водой?

– Мог... Но твои ножки проворнее.

Я надеваю обтягивающие джинсы, черные полуботинки и синий свитер Шона, чувствуя на себе его взгляд. Я затягиваю свои темно-русые волосы в тугий хвост.

– Ты прекрасна.

– Шон Ирвин, что ты хочешь?

– Ничего... Ну, может, страстного секса.

Я улыбаюсь, удивляясь, что сегодня с ним происходит.

– Куда ты? А как же прописанное лечение? Вернись в постель, – стонет он, протягивая ко мне руки.

– Надо купить молоко, хлеб и еще что-нибудь поесть. Надо позавтракать перед отъездом.

Мои родители живут в Дорсете, семья Шона – в Дублине. Именно его ирландский акцент и привлек меня, когда я встретила его однажды в студенческом кафе. Он мог бы зачитать телефонный справочник, и я бы все равно впала в экстаз от его голоса. Ирландский акцент, отличное чувство юмора, голубые глаза – и я пропала.

Я беру свой кошелек, сгребая в него остатки мелочи с трюмо.

– Как насчет больших сандвичей с беконом? Я почему-то очень хочу чего-нибудь жирного. Шон?

Я машу рукой перед его носом.

– Я люблю тебя, Кас.

– Что?

Я настолько поражена его внезапным признанием, что не могу выговорить ни слова. Мы встречаемся уже почти год, и Шон часто говорил: «Мне нравится быть с тобой» или «Я люблю твою улыбку», а когда он говорит «Люблю заниматься с тобой сексом», я смеюсь и называю его старым романтиком.

– Я люблю тебя, – повторяет он.

Быстрым движением я сбрасываю ботинки и прыгаю на кровать. Шон стремительно стягивает с меня джинсы.

Как же холодно! Ослепленная зимним солнцем, я иду по улице вдоль дороги. Наш дом в Пимлико¹ стоит на широком проспекте, и я уже привыкла к шуму и оживленному дорожному движению. Я к этому привыкла, как к старым друзьям, которые всегда рядом.

Мне хочется петь, танцевать и кричать на весь мир о своей любви.

Будто в тумане я направляюсь к переходу на светофоре, который сегодня кажется таким далеким. А мне так не хочется тратить время впустую – мысли о жареном беконе, горячем кофе и объятиях Шона слишком соблазнительны. Дорога почти пустая, и если я потороплюсь, то успею без проблем перебежать на противоположную сторону улицы.

– Кас! – слышу я голос Шона.

Я оборачиваюсь, поднимаю взгляд на наше окно на четвертом этаже и вижу: Шон высунулся из окна и машет моим кошельком. Какая же я дура.

– Бросай его мне!

Мимо на полной скорости проносится машина, и мне к тому же приходится уворачиваться от двух бегунов на тротуаре.

Шон продолжает помахивать кошельком.

– Нам еще нужен сахар! И сигареты!

– Ладно. Бросай!

Он медлил.

– Лучше я спущусь.

– Не надо. Собирай чемоданы!

Рейс Шона через несколько часов. Я нетерпеливо переступаю с ноги на ногу.

– Да бросай же!

Шон с размаха бросает мне кошелек. Я подпрыгиваю, чтобы поймать его, – он ударяется о мою ладонь, перелетает через плечо и падает на дорогу.

Я бегу подбирать его.

– Осторожно! – кричит Шон. Я останавливаюсь. Теперь я слышу его невнятные вопли.

Оглушительный сигнал автомобиля.

А дальше я ничего не помню.

¹ Один из самых фешенебельных и дорогих районов в центре Лондона. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. перев.)

1

Пять месяцев спустя

Я слышала, как она поднимается по лестнице – ее выдавало позвякивание многочисленных золотых браслетов на запястьях.

Она задержалась перед закрытой дверью, собирая волю в кулак, чтобы войти в мою комнату. Наконец она вошла, и я тут же почувствовала терпкий запах ее духов с чрезмерным ароматом ванили.

– Доброе утро!

Она уверенно пересекла спальню, умело балансируя на высоченных шпильках. Сколько себя помню, ни разу не видела маму в балетках или кроссовках. Мотивировала она это тем, что бог пожадничал и обделил ее ростом.

– Какой замечательный день! – бодро воскликнула мама, раздвигая занавески и позволяя солнечному свету наполнить комнату. – Я подумала, может быть, пообедаем в пабе?

Заметив, что ее идея не произвела на меня должного впечатления, она торопливо добавила:

– Или прокатимся на машине за город?

– Может быть.

Мама подобрала с пола мои спортивные штаны и повесила их на спинку стула.

– Или... давай прогуляемся? Сходим в кино?

Я не шелохнулась.

– Что-то не хочется, мам. Иди без меня.

– Господи, Кас, прошло уже несколько недель! – сказала она, впервые повысив голос после моего возвращения из клиники в Сток-Мандевилле. – Ты не можешь вечно сидеть в четырех стенах!

Зазвонил телефон.

– Я скоро вернусь, – пригрозила она и вышла.

Я знала, что мое безразличие раздражало ее, но я не была готова выйти из дома. Через несколько минут мама вернулась с записной книжкой в руках.

– Это звонила Сара, – сказала она, присев на край кровати. – Я сказала ей, что ты перезвонишь.

Та самая Сара, с которой мы с Шоном снимали квартиру на Пимлико. Мы с Сарой всегда все делали вместе. На третьем курсе, когда мы покинули своды аудиторий и были брошены на растерзание настоящим пациентам, мы с Сарой вцепились друг в друга, боясь, что те нас покусаят. Как сейчас помню: в первый день практики мы пришли в больницу, одетые в длинные юбки, белые блузки и темно-синие пиджаки. В таком виде мы были похожи на школьниц. Когда меня попросили осмотреть пациента, Сара пошла со мной. Мы так нервничали, что, идя по коридору, не произнесли ни слова; только все время поправляли стетоскопы, чтобы они симметрично висели на наших шеях.

Сейчас Сара оканчивала четвертый курс. На этих летних каникулах мы должны были проходить стажировку за рубежом. Она сказала мне, что планирует поехать на Гибралтар, а я хотела поработать в полевом госпитале в Африке.

Я почувствовала толчок.

– Кас? – позвала меня мама.

– М-м?

– Ах, Кассандра, я так и знала, что ты меня не слушаешь!

Мама нетерпеливо раскрыла записную книжку и провела жирную горизонтальную черту.

– Я говорила, что это – нынешнее положение дел. И, – она глубоко вдохнула, словно собиралась окунуться в ледяную воду, – так теперь будет всегда. Мы не можем это изменить, но мы точно можем изменить наше отношение к случившемуся. – Она быстрыми движениями набросала несколько стрелочек, расходящихся вверх от нарисованной черты.

Я скептически приподняла бровь:

– А презентацию на компьютере будешь делать?

Мама отложила ручку в сторону.

– Ты должна подумать о своем будущем.

– О каком будущем? – взорвалась я. – Все, что я любила... все, кого я любила...

Я не договорила.

– У меня поврежден позвоночник, – сказала я Шону, когда он пришел навестить меня в больнице.

Он стал бледным как мел: он прекрасно знал, что это значит.

– Я парализована ниже пояса.

Ирония судьбы заключалась в том, что в колледже он больше всего интересовался неврологией и повреждениями позвоночника. Шон не проронил ни слезинки. У него было такое выражение лица, будто он был готов поколотить первого, кто войдет в палату. Глядя на него, я пыталась найти хоть малейшие признаки того, что он не бросит меня в трудную минуту, что он будет со мной. Но в его глазах я не видела ничего, кроме гнева и растерянности. С одной стороны, я надеялась облегчить его страдания и сказать, что он может уйти и не возвращаться. Мне не хотелось, чтобы он оставался со мной из жалости.

С другой стороны, я мечтала, чтобы он обнял меня и сказал, что любит и что все будет хорошо.

Я с трудом справлялась со своими чувствами. Мне хотелось кричать, громить все вокруг.

Как в одночасье жизнь могла перевернуться с ног на голову? Всего несколько дней назад мы танцевали, дурачились в постели и строили планы на будущее. Он пригласил меня в Дублин и собирался познакомить с родителями. Что теперь?

Он встал и повернулся ко мне спиной.

– Это я во всем виноват.

Мои глаза наполнились слезами.

– Нет. Не вини себя.

– Часы посещения окончены, – жестко объявила медсестра Джорджина, просматривая мою медицинскую карту. – Тебе пора, парень. Ей надо отдохнуть. Придешь завтра.

Шон взял с кресла пальто и шарф. Он на мгновение замешкался, а потом поцеловал меня в щеку и погладил по руке.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Подойдя к двери, он обернулся.

– Ты придешь завтра? – спросила я слабым голосом. Таким же слабым, как и мое тело. В глубине души я осознавала, что все кончено, но я упорно продолжала верить, что все поправимо. Шок пройдет – Шон вернется.

Я провела в больнице четыре месяца. Шон, конечно, навестил меня еще раз. Через десять дней после первого визита. Он оставил на прикроватной тумбочке письмо, попросив не вскрывать его, пока он не уйдет...

– Кассандра!

Я вздрогнула: кто-то снова тряс меня за плечо.

– Я сдаюсь, – с досадой произнесла мама. – Ну что мне сделать?

– Почему бы тебе не вернуться на работу? – предложила я.

У мамы была успешная риелторская фирма. Она организовала свой бизнес еще в Лондоне. Когда мне исполнилось шестнадцать, отцу удалось уговорить ее переехать в Дорсет. Мама согласилась, но с условием, что она сможет открыть там филиал своей фирмы. Теперь ее компания занимается продажей имущества в юго-западных графствах, включая Сомерсет, Дорсет и Девон.

Мама возмущенно вскинула голову:

– Я работаю!

– Я имею в виду работу в офисе. – У маминой компании есть офисное здание в Дорчестере.

– Не думаю, что это хорошая идея. Во-первых, я могу работать удаленно. Во-вторых, если меня не будет дома, ты целыми днями будешь лежать в постели. – Она с сочувствием посмотрела на меня. – Хочешь, я запишу тебя на прием к психотерапевту?

– Нет, мам, не надо. Я в порядке, честное слово, – ответила я, втайне надеясь, что после этого она оставит меня в покое.

– Тогда вставай. Даю тебе пять минут. – Она сняла с вешалки мою уличную одежду и швырнула ее мне.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – соврала я.

В этот момент в комнату зашел папа.

– Майкл, она не хочет подниматься!

– Милая, почему бы не разрешить Кас поваляться в постели, – встал на мою защиту отец.

Это было последней каплей в чаше маминого терпения.

– Помещая нашу дочь в тепличные условия, мы оказываем ей медвежью услугу! – воскликнула она. В следующее мгновение папа уже схватил ее за руку и вывел из комнаты.

– Но мне нужна твоя поддержка! – запротестовала мама, высвободившись из его рук. – От моих родителей никакого толка, они так и не приехали. Черт возьми! Моя мать даже трубку не берет, когда я звоню ей!

– Послушай, Кас надо дать время, – тихо произнес папа. – Врачи предупреждали нас, что поначалу она будет испытывать постоянную усталость.

Я услышала, как они спускаются по лестнице. Мне становилось все труднее разобраться, что говорит мама. Что-то про меня и про то, что я должна делать специальную зарядку.

– У нее депрессия! – в отчаянии закричала она.

Я закрыла глаза, чувствуя себя виноватой.

Через пять минут в мою комнату вернулся отец. Его лицо было испещрено морщинами из-за постоянных переживаний и беспокойства.

– Пап, мне очень жаль.

– Как ты думаешь, ты сможешь сегодня подняться с кровати?

Я кивнула. Мои губы дрожали.

Спустя несколько минут пришла мама со специальным креслом для душа.

– Ты еще не разделась.

Я начала медленно расстегивать пижамную рубашку. У меня тряслись руки.

– Я стараюсь.

– Недостаточно хорошо, – последовал резкий ответ, похожий на удар теннисного мяча по голове. Я чувствовала на себе ее взгляд, пересаживаясь с края кровати на душевое кресло. Наконец, когда я была готова, мама повезла меня в ванную.

– Кас, извини, я была груба с тобой, но я не могу видеть тебя в таком состоянии. Хватит жалеть себя, – сказала она, включая душ и проверяя температуру воды. – Надо жить дальше, строить планы на будущее.

– Я хотела стать врачом.

– Я знаю. Ты можешь вернуться в Королевский колледж. Почему бы тебе не обсудить это с доктором Льюисом? – Она развернула мое кресло и поставила его на тормоз. Доктор Льюис был моим научным руководителем. – Я уверена, что он захочет помочь...

– Нет, – резко оборвала я ее. – Я не могу.

Сара тоже пыталась уговорить меня возобновить учебу. Но всякий раз, когда я думала об этом, передо мной всплывали лица однокурсников, с жалостью смотрящих на меня. И как бы я пережила встречу с Шоном? Рана была еще слишком свежей. И даже если я окончу колледж и получу лицензию, что будут думать пациенты о враче в инвалидном кресле?

– Ничего не выйдет, мам.

– Но надо же хоть что-нибудь делать. Мы Бруксы. Мы никогда не сдаемся.

– Но это моя проблема.

– Нет, это наша проблема. – Со слезами на глазах мама передала мне бутылочку с шампунем. – Наша, Кас.

Я смотрела, как она пересекла ванную комнату и вышла. Хотела бы я знать, что мне теперь делать и как жить дальше.

«Конечно, очень сложно смириться с тем, что с вами случилось. Но, уверяю вас, вы в надежных руках, – говорил мне медицинский консультант, стоя у края моей больничной койки. – Во время курса физиотерапии мы научим вас, как оптимизировать ваши возможности и вернуться к полноценной жизни».

Но они не смогли возродить во мне желание жить. Физиотерапия не излечила мое разбитое и растоптанное сердце.

Одевшись, я позвала папу.

Он был первым, кого я увидела, придя в сознание в больничной палате.

– Как мы скажем ей об этом? – произнес он.

Я не могла повернуть голову, чтобы посмотреть, с кем он разговаривал. Мое тело обхватывало что-то жесткое и холодное, как арматура, не давая пошевелиться. Тем не менее я догадалась, что рядом со мной стояла мама.

– Что случилось? – закричала я, отчаянно пытаюсь пошевелить ногами. – Почему мои ноги не двигаются?

Та нежность, с которой мама гладила меня по голове, ужаснула меня. Я поняла, что именно она пытается мне сказать.

Я подъехала на кресле к краю лестницы. Папа уже ждал меня там.

– Умница, – сказал он, наклоняясь ко мне. – Ты готова?

Он взял меня на руки и спустился на первый этаж, говоря:

– Все наладится, Кас. Я обещаю.

Лучше бы я умерла в то утро.

2

Когда папа сошел с последней ступеньки, из кухни вышел Джейми и сказал, что принесет мое инвалидное кресло. Должно быть, он только что вернулся домой: он был одет в куртку.

Усадив меня за обеденный стол, папа ушел в свой кабинет. Он архитектор и уже пятнадцать лет работал на дому. Прежде чем пожениться, мама и папа договорились, что, когда у них появятся дети, они не будут нанимать нянь или домработниц. Один из них полностью посвятит свое время семье и домашним делам. Достигнув определенного возраста, я поняла причину такого решения. Ни мама, ни папа никогда не были близки со своими родителями. Как-то раз мама сказала, что они оба остро чувствовали отсутствие родительской заботы, поддержки и даже любви.

– Наши родители всегда были для нас чужими людьми, – призналась она.

Поэтому, когда родилась я, она стала домохозяйкой и занималась только домом и мной.

Когда мне исполнилось пять, а Джейми только годик, мама объявила нам, что теперь папа будет сидеть с детьми. Джейми ничего не понял, а вот я забеспокоилась. Ведь папа даже готовить не умел.

В тот же год мама открыла свою риелторскую фирму. Я видела ее сайт в Интернете. На первой странице – фото мамы в сером платье-карандаше: кроваво-красные губы, сияющая улыбка, идеально уложенные волосы платинового оттенка. Внизу страницы размещены фотографии ее подчиненных.

– Тебе удобно? – спросил Джейми. У него был приятный низкий голос.

– Да, нормально.

– Я ходил на почту. Купил кое-что для тебя, – сказал он, указывая на белый пластиковый пакет, лежавший в центре стола. В нем были глянцевые журналы с шикарными голливудскими актрисами на обложках.

Джейми казался усталым, будто он всю ночь не спал.

– Спасибо, – сказала я. – Раз ты стоишь, не сделаешь мне кофе? Будь добр...

– Да-да, конечно. – Он поставил чайник на плиту. Из соседней комнаты доносился оглушительный рев реактивного двигателя. Это мама пылесосила пол. Я улыбнулась, вспоминая, как в подростковом возрасте я включала наш допотопный пылесос, чтобы от души поругаться и при этом не быть услышанной родителями.

– Она постоянно убирается, – пожаловался Джейми. – А пока ты была в больнице...

Он устало потер глаза, и на мгновение мой братишка показался мне намного младше своего возраста.

– Господи, ты бы ее видела! – воскликнул он с едва заметной улыбкой на губах.

– Что, серьезно? Еще хуже, чем обычно?

– Ага. Короче, недавно она просыпала почти всю банку чистящего порошка мимо раковины и чуть не разнесла весь дом к чертям. Папа говорит, она очень расстроена. И что мы с ним должны ей помогать. – Джейми покачал головой. – Но что бы я ни делал, ей все не по нраву.

– Но я очень рада, что ты здесь, – сказала я. Он передал мне чашку с кофе, и я сделала небольшой глоток. Напиток получился слабый и по вкусу напоминал больничный. – Если бы ты еще научился варить кофе, то цены бы тебе не было.

– Ты прямо как мама! – Он улыбнулся. – С жалобами и предложениями обращайтесь к управляющему нашего отеля.

Я вспомнила тот день, когда Джейми пришел ко мне в больницу. В тот момент я уже лежала в отдельной палате. Я слышала, как Джейми и папа шушукуются за дверью.

Затем Джейми осторожно постучал и вошел в комнату. На нем были стоптанные кроссовки и мешковатые джинсы, из-под которых выглядывала резинка трусов с логотипом Кельвина Кляйна. В руках он держал купленную в больнице коробку шоколадных конфет, с которой он забыл отклеить ярко-оранжевый ценник. Джейми бросил неловкий взгляд на мои белые больничные носки.

– Можешь не завидовать, – сказала я. – Я уверена, у них найдется твой размер.

Потом он увидел пакет от катетера, прикрепленный к моей кровати. Мне было страшно неловко, и я хотела, чтобы Джейми перестал на него глазеть. К моему облегчению, он отвел взгляд и начал осматривать палату, заинтересовавшись в конце концов маленьким телевизором.

– Я хочу пить, – сказала я, жестом указывая на кувшин, стоявший на прикроватной тумбочке.

Джейми вскочил со стула и бросился к тумбочке.

– Только ты губу особо не раскатывай. Я не буду все время исполнять твои команды, – сказал он, наливая воду в стакан и ухмыляясь.

– Извини, приятель, но тебе придется мириться с моими капризами.

Повисла очередная неловкая пауза.

– Открывай конфеты, – попросила я. – И передай мне тот журнал, будь любезен.

– О, черт. Ты и до этого мне не слишком нравилась, а теперь ты точно станешь совершенно невыносима.

Я не смогла сдержать улыбку, и Джейми наконец расслабился.

Глядя сейчас на своего брата, я им любовалась. Он был высоким и красивым, как наш папа, но более стройным и подвижным, как мы с мамой. У него были темно-русые волосы и голубые глаза, открытое лицо и благородный нос. Он очаровывал всех своей широкой улыбкой.

Сейчас он казался загорелым. Мы с ним всегда очень быстро загорали. Когда мы ездили летом на море, папа называл нас своими «маленькими цыганами».

Несмотря на внимание противоположного пола, Джейми был скромным парнем, что делало его еще более привлекательным.

– Ладно, Джейми, признавайся. Почему ты все еще дома? – Я взяла коробку кукурузных хлопьев. – Тебе же безумно нравилась жизнь в Мадриде. К тому же ты несколько месяцев работал в доме престарелых, чтобы заработать на поездку в Испанию.

Все жители дома престарелых обожали Джейми. Но Сара была его любимицей. Каждый вечер она просила половину неочищенного банана. Когда Джейми приносил его на подносе вместе с ужином, она прятала банан в ящик тумбочки и больше к нему не прикасалась. Но Джейми никогда не смеялся над ней и не требовал объяснений. Когда же директор дома престарелых сказал, что эта банановая история должна прекратиться, Джейми продолжал украдкой исполнять желание старушки.

Он пожал плечами:

– Я в любой момент могу вернуться в Мадрид.

Мы услышали рев пылесоса прямо под кухонной дверью.

– И мне нравится быть здесь, – продолжил он, но неуверенный тон этого высказывания выдал его с потрохами. Я бросила в него свой глянцевого журнала.

– Джейми Брукс, ты совсем не умеешь врать!

Он смущенно почесал затылок.

– Я вернусь, когда буду готов. Мадрид никуда не денется.

Он тронул меня до глубины души.

Когда мы с братом позавтракали, он сообщил мне, что у него назначена встреча с другом в городе.

– Хочешь пойти со мной?

– Этот друг – девушка?

– Нет, – зарделся он. – Почему ты спрашиваешь?

– Ты аккуратно причесан. – Густые локоны Джейми обычно растрепаны. – И от тебя несет лосьоном после бритья.

Я зажала нос двумя пальцами и рассмеялась.

В этот момент рев пылесоса резко оборвался, и на кухню вбежала мама с таким видом, будто хотела удостовериться, что слышала именно мой смех.

3

Я уже шесть недель жила с родителями. Мама снова начала работать в офисе. Джейми переехал в Лондон и нашел работу в компьютерной компании, но навещал нас каждые выходные. Для нас он был лучиком света в темном царстве.

Я испытывала странные ощущения, живя дома. Все казалось таким родным и знакомым, но легче от этого не становилось. Складывалось впечатление, будто я была на войне и вернулась домой покалеченным солдатом. Маме, папе, Джейми и мне понадобилось довольно много времени, чтобы привыкнуть к едва слышному скрипу колес. Из комнат убрали все предметы, затруднявшие движение инвалидного кресла, – будь то ковры или журнальные столики. Внутри и снаружи дома папа установил пандусы. Он и ванную комнату переделал: поставил раздвижную дверь и изменил положение раковины так, чтобы я могла самостоятельно воспользоваться унитазом. На кухне он прибил несколько низких полок для моих чашек и тарелок. Я вздрагивала всякий раз, когда видела мои пальто и куртки, висящие в прихожей почти у самого пола. А резиновые сапоги напоминали мне о прогулках вдоль моря и о волосах, развевающихся на ветру...

Я сварила себе утренний кофе и вдруг услышала цоканье копыт на улице. Осторожно выглянув в окно, я увидела нашу соседку Эмили верхом на лошади.

И вдруг я вспомнила о своей детской мечте – я хотела пони. Все началось, когда я увидела конных полицейских в Гайд-парке. Лошади показались мне такими большими и величественными, их шерсть переливалась на солнце, как папины начищенные ботинки. В тот вечер я составила грандиозный план.

Мы жили в доме с террасой, поэтому папа-архитектор мог бы спроектировать и построить в саду миниатюрное стойло. Я бы каталась на Умнице – так я назвала своего будущего пони, – в парке, кормила бы его морковью, а зимой он бы жил в доме и спал у камина. Я показала свой план маме, который состоял из зарисовок, таблиц, стрелочек и галочек.

– Кас, милая, но у нас сад размером с песочницу. И что я буду делать с Умницей, когда ты будешь в школе? Не возьму же я его с собой на работу!

– Я уже все продумала, – заверила я маму и обратила ее внимание на диаграмму, которая ясно давала понять, что ей надо бросить работу. На рисунке мама стояла у плиты, одетая в цветастый фартук и туфли на шпильках. Я часто спрашивала папу, когда же мама снова начнет работать, не выходя из дома.

– Ты же постоянно пережариваешь наши сосиски! Постоянно! – говорила я ему.

Изучив мои художества, мама внимательно посмотрела на меня.

– Зайка, я не могу бросить работу. – Она провела рукой по моим волосам. – Нам надо выплачивать ипотеку. И мне нравится работать.

Я начала рисовать каракули на моей диаграмме, чтобы скрыть подступившие слезы.

– Кас, однажды, когда ты будешь знаменитым врачом, ты поймешь меня. Не все женщины могут сидеть дома и вести хозяйство.

– Но...

– Никаких «но»! А теперь, во-первых, одевайся и, во-вторых, отправляйся в школу.

Но однажды настал день, когда я решила, что моя взяла.

– Сегодня после школы тебя будет ждать сюрприз, – сказала мама за завтраком. – Это не пони, но тебе понравится.

В тот день из школы меня забирал папа. Я уже рассказала всем своим друзьям, что родители купили мне собаку, и теперь мне не терпелось поскорее вернуться домой.

– Его зовут Генри, – сказал мне папа. – Он очень красивый. И он тебе очень понравится.

В саду меня ждала черепаха.

В подростковом возрасте я донимала маму просьбами завести собаку. Я клялась, что сама буду ее выгуливать, но мама всегда отвечала твердым отказом. Мотивировала она это тем, что у нее на шерсть аллергия.

– Все пушистое и живое может свести меня в могилу, Кас.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я сдала выпускные экзамены на пятерки и уехала в Испанию работать волонтером. Я жила на ослиной ферме, служившей приютом и для других бездомных животных: собак, кошек, кроликов, свиней, куриц и коз. Это был дешевый способ посмотреть Европу и отличная возможность повозиться с животными. До несчастного случая я каждый год возвращалась в этот приют и получала необходимую дозу общения с братьями нашими меньшими.

Цокот копыт вернул меня к реальности. Когда Эмили бросила взгляд в сторону моего окна, я отпрянула от занавесок, словно она могла увидеть меня обнаженной.

В то утро я была дома одна. Папа выполнял какую-то работу для городской ратуши. Так что я решила написать своим друзьям Дому и Гаю: мы вместе лежали в больнице. Травма Дома почти такая же, как у меня, он тоже парализован ниже пояса. Медицинский консультант сказал мне, что у меня повреждение уровня T12.

– Спинальный мозг защищают кольца твердой костной ткани – позвонки, – объяснил он мне. – Вместе они формируют позвоночный столб, проще говоря – позвоночник. Семь позвонков в шее называются шейными. Верхний обозначается как C1, нижний – C7. Двенадцать позвонков в районе грудной клетки называются торакальными – от T1 до T12. Еще ниже располагаются поясничные нервы – от L1 до L5, и крестцовые нервы – от S1 до S5. Если позвоночник поврежден на каком-то из уровней, это значит, что пациент парализован ниже этого уровня. Чем выше травма, тем хуже. Если бы тебе не повезло, Кас, и ты повредила шейный позвонок, например C3, то ты не смогла бы двигать ни руками, ни туловищем, ни ногами. У тебя же T12 полный – это значит, что ты не сможешь ничего чувствовать ниже пояса. Твоя травма влечет за собой паралич только нижних конечностей, – объявил он так, будто я выиграла первый приз в лотерее по инвалидности. – Тебе повезло.

Но, когда я не захлопала в ладоши от радости, он наконец отложил свои записи.

– Мне очень жаль, Кассандра. Ни одна травма не может сравниться с переломом позвоночника. Я просто хочу сказать, что все могло быть намного хуже.

Сначала я написала сообщение Доминику.

«Как дела? Что делаешь? Как бы странно это ни звучало, но я скучаю по больнице, по тебе и Гаю и даже по Джорджине!»

Я остановилась на мгновение, вспоминая, как Джорджина переворачивала меня, словно безвольный шматок мяса, чтобы проверить, не образовались ли у меня на спине пролежни.

Безусловным плюсом больничной жизни было то, что у нас был особый распорядок дня и все мы находились в одной лодке. Поэтому время там бежало незаметно.

Наш девиз был таким: «Каждый должен быть при деле». Рано утром меня будил знакомый грохот тележки с завтраком, которую Джорджина вкатывала в палату. Чуть позже приходила мама с двумя стаканчиками капучино или латте из ближайшей кофейни, потому что она терпеть не могла больничной кофе. К десяти часам утра я уже была в гимнастическом зале. Мой физиотерапевт Пол проводил самую жесткую программу физической реабилитации. Я часами делала растяжки, лежа на животе и на спине, поднимала грузы, развивала мускулатуру рук. Однажды я так устала, что потеряла равновесие и упала со своего инвалидного кресла. До этого случая Пол только жестом давал понять, что я вот-вот упаду или что-нибудь задену. Пока я с трудом пыталась вскарабкаться обратно в инвалидное кресло, он сказал, что не собирается помогать мне. Если я и совершала ошибки, то исправлять их

должна была сама – только так я научусь сохранять равновесие. Тогда я спросила у него, не был ли он старшиной в армии?

– Для меня это комплимент, – ответил он. – Это значит, что я хорошо выполняю свою работу.

Когда заканчивалась тренировка, я играла в теннис с Домом или Джейми или отправлялась в бассейн на гидротерапию. Через три недели после несчастного случая я была абсолютно беспомощна: на первом занятии лежала на воде, вцепившись руками в поплавки, а Пол в это время держал мою голову. Но к концу четвертого месяца реабилитационной программы я хоть и с трудом, но могла уже проплыть от одного края бассейна до другого. Пол называл мой неуклюжий стиль а-ля Брукс.

– Можно отправлять тебя на Параолимпийские игры, – как-то раз иронично заметил он. А затем добавил, что первые Параолимпийские игры были проведены в 1948 году в городе Сток-Мандевилл. Организовал их британский невролог немецкого происхождения. Людвиг Гуттман², безусловный гений своего дела, открыл в Сток-Мандевилле Национальный центр поврежденных спинного мозга. Он смог доказать, что спортивная активность и физические нагрузки – неотъемлемая часть реабилитации пациентов. Так что вперед, Брукс. Еще один заход!

«Я не знаю, что делать, Дом», – пишу я. За окном погожий летний день, но проблема заключается в том, что мне хочется прокатиться до пляжа на велосипеде, поиграть в теннис или просто пойти на пробежку. Раньше я никогда не ценила эти маленькие радости, а теперь лишилась их.

«Сегодня утром я поругалась с мамой. Она сказала, что я должна вернуться в Королевский колледж. Я знаю, она пытается помочь, но... Знаешь, что еще меня бесит? Мне двадцать три, а она заставляет меня убираться в комнате!

А ты как поживаешь? Передавай привет Миранде!»

Миранда – жена Дома. Она часто приходила к нам в палату с фруктами, газировкой и шоколадными конфетами. Когда я видела их вместе, то не могла не думать о Шоне. «Я так не могу... Мне очень жаль, Кас. Прости меня», – написал он в последнем письме.

«P. S.» – пишу я Дому. – «Расскажи мне что-нибудь смешное».

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Скажи «лук»».

«Лук».

«По лбу стук!»

Я захихикала и написала в ответ:

«Фу, какой ты злой!»

Я встретила Дома, когда меня перевели в реабилитационное отделение. В нашей палате все были довольно молодые. Мама сидела рядом с моей кроватью и вязала мне носки, что приводило меня в замешательство – она ни разу в жизни даже инициалы не вышила ни на одной из моих школьных рубашек.

– Добрый день. Меня зовут Пол Паркер, – сказал спортивного вида мужчина с сильным австралийским акцентом.

– Здорово, Паркер! – подал голос человек, лежавший на кровати напротив меня.

– Здравствуй, Дом, – ответил Пол, беря в руки мою историю болезни. – Паралич нижних конечностей, T12 полный, – пробормотал он себе под нос.

Мне хотелось сказать: «Меня зовут Кас». Но вместо этого я рассказала ему, как попыталась сесть и потеряла сознание.

² Сэр Людвиг Гуттман (1899–1980) – нейрохирург, основатель параолимпийского движения. (Прим. ред.)

– Что ж, чем раньше мы попробуем сделать это снова, тем скорее ты сможешь покинуть это место.

– Но я хочу выйти отсюда на своих ногах! – произнесла я, хватаясь за слабую надежду, что еще не все потеряно.

– Зайка, пожалуйста. Этот человек хочет тебе помочь, – попыталась вразумить меня мама.

– Миссис Брукс, не могли бы вы оставить нас с Кассандрой наедине? – спросил Пол.

Мама взяла сумку с вязанием и направилась к двери. Из сумки выпал моток шерсти, и нитка потянулась через всю палату. Пол немедленно окликнул маму.

– Мы же не хотим, чтобы наши пациенты спотыкались, – пошутил он, помогая маме собрать нитки.

– Итак, – сказал Пол, повернувшись ко мне. – Ты хочешь, чтобы я тебе помог?

– Угу.

– Не слышу. Говори нормально.

Он терпеть не мог проявлений слабости.

– Да.

– Хорошо. Теперь давай посадим тебя в это кресло и приступим к тренировке.

– Bonne chance!³ – крикнул добродушный мужчина по имени Дом. У него были коротко стриженные темные волосы. Легкая седина на висках выдавала его возраст: я бы сказала, что ему было около сорока. У него было такое накачанное тело, что он выглядел так, будто собирался участвовать в Олимпийских играх. Мрачный мужчина, лежавший на соседней койке, потребовал, чтобы Дом «заткнулся на фиг, потому что некоторые пытаются поспать».

– И с чего это ты вдруг заговорил по-французски? – добавил он.

– Не будь таким угрюмым, Гай, – ответил Дом. – Пойдем лучше с нами в спортивный зал.

– Отвали.

– Время идет намного быстрее, когда ты чем-то занят, – спокойно продолжал Дом, не обращая внимания на грубость соседа. Он положил бутылку воды рядом с собой в инвалидное кресло и надел перчатки без пальцев.

Пол задернул бежевую занавеску, чтобы эти двое не отвлекали меня.

– Итак, – сказал он. – Никаких глупостей и капризов. Не надо тратить мое время попусту. Ты готова?

Я иронично отдала честь.

– Да, сэр!

– Супер-пупер.

– Что, простите? – улыбнулась я.

– Супер-пупер. Теперь давай приступим. Мы начнем не спеша, а дальше как пойдет.

Попытавшись сесть, я почувствовала необыкновенную тяжесть во всем теле. Малейшие изменения положения давались мне с большим трудом. Мне казалось, будто я пытаюсь двигаться семимильными шагами, хотя на самом деле я едва шевелилась.

– Так, хорошо. Еще чуть-чуть, – подбадривал меня Пол, придерживая сзади. – Джорджина! Нужна твоя помощь! – крикнул он за занавеску.

Когда я наконец приняла вертикальное положение и пересела в инвалидное кресло, меня начало мутить.

– Меня сейчас вырвет! – воскликнула я.

Молниеносным движением Пол наклонил мое кресло назад.

³ Bonne chance! (Фр.) – Удачи!

– Слушай, дружище, не паникуй. Поначалу ощущения будут не из приятных, – утешил он меня. – Со временем привыкнешь. Я здесь, с тобой, Кас. Все будет нормально.

У меня было странное ощущение, словно я парила в воздухе.

Джорджина отдернула занавеску, и я заметила, что мой бойкий сосед все еще был в палате и наблюдал за происходящим, как будто смотрел по телику сериал. Потом он поднял вверх большой палец и покатил свое кресло к двери, заявив, что хочет пострелять из лука. Глядя на него, можно было подумать, что мы находились в летнем спортивном лагере.

– За него не беспокойся. Он неплохой парень, – заверил меня Пол.

Перед самой дверью Дом обернулся ко мне.

– Удачи, Кас. Держись на ногах крепко!

Как ни странно, эта шутка показалась мне смешной.

В переписке появилось новое сообщение:

«Приезжай поскорее в Лондон. Не надо воспринимать инвалидность как клеймо, Кас. Это возможность приобрести новых друзей: меня и Гая».

Они оба живут в Западном Лондоне. Квартира Дома находится в Хаммерсмите. Гай живет со своими родителями в Лэдброк Гроув.

«Не забивайся в угол и не отгораживайся от мира. Мы скучаем по тебе».

4

Поздно вечером у меня зазвонил телефон. Джейми, приехавший домой на выходные, принес мне трубку.

– У меня был отвратительный день, – произнес Гай, как только я ответила.

– Что случилось?

Бросив на меня быстрый взгляд, Джейми выключил телевизор и тихо вышел из комнаты.

– Я встретился с друзьями со старой работы.

До инвалидности Гай работал в Сити.

– Они предложили встретиться и поболтать за чашкой кофе. И я подумал: почему бы и нет. Мои бывшие коллеги нашли бар с пандусом. Парни заказали мне эспрессо, потому что раньше я только его и пил. И когда официантка принесла заказ, я уронил чашку и разлил кофе по столу. Они заказали мне еще одну чашку, я и ее уронил, только в этот раз чашка разбилась. Чертова ручка такая маленькая – невозможно удержать!

– О, боже, Гай. Это ужасно.

Позвоночник Гая был поврежден выше, чем мой. Он сломал шестой шейный позвонок С6 и теперь был парализован ниже ключицы. Нервы в шее отвечают за движение рук и кистей, поэтому Гаю было очень сложно выполнять какую-либо работу руками. Я хорошо помнила его бессильный гнев, когда во время реабилитации он не мог даже зубы почистить.

– Да, это было ужасно. – Его голос дрогнул. – А как у тебя дела, Кас? Когда ты приедешь в Лондон?

– Мне очень жаль, Гай, – уклончиво ответила я, прекрасно понимая, что он еще не все рассказал мне.

– Эх, Кас, ты бы видела, как они на меня смотрели. Как на калеку!

После моего разговора с Гаем ко мне в комнату зашел папа, чтобы пожелать спокойной ночи. Вокруг его глаз легли темные тени; с того момента, когда меня сбила машина, он состарился лет на десять.

– Спасибо тебе за то, что ты приспособил дом для меня, – сказала я папе, думая о маленькой комнатке Гая на первом этаже родительского дома. Там он спал, ел... Он говорил, что чувствовал себя кроликом в клетке. – Это было непросто.

– Пустяки. – Он присел на край кровати. – Как ты думаешь, сможешь сегодня немного поспать?

Меня мучили ночные кошмары. Иногда мне снилось, что я снова в больничной палате. А иногда – что я бегу босиком по раскаленным углям, а на горизонте стоит Шон. «Давай! Давай!» – кричал он, но как только я добегала до него, он исчезал. Я опускала глаза на свои ноги, а из них реками текла кровь, и мне было невыносимо больно.

– Надеюсь, что да, – неуверенно киваю я.

Он поудобнее устроился на кровати.

– Тебя что-то беспокоит?

Я рассказала папе о звонке Гая. Я не могла не думать о том, как тяжело ему было видеть своих бывших коллег. После ленча они вернулись на работу, а Гай отправился в свою кроличью клетку. Именно поэтому мне было трудно общаться с Сарой, и именно поэтому я не могла возобновить учебу в Королевском колледже. Папа это понимал.

– Все это непросто. Нам нужно пережить этот день и начать новый, – ласково сказал он, прежде чем поцеловать меня на ночь. Уходя, он остановился в дверях. – Сладких снов. Постарайся поспать без кошмаров.

Я кивнула и закрыла глаза.

Джорджина забежала в нашу палату.

– Это Кас, – сказал ей Дом.

– Я что-то чувствую, – настаивала я, поднимая простыни. – В пальцах на правой ноге. – Наконец я поняла, что могу хоть немного контролировать свое тело. – Джорджина?

– Пациенты часто испытывают боли в парализованных конечностях, – возразила она.

– У меня такое было, – подтвердил ее слова Дом. – Иногда как будто раскаленную иглу пропускают через позвоночник.

– Но, Джорджина, разве это не хороший знак? Я же что-то чувствую!

– И да и нет. Дело в том, что фантомные боли трудно лечить. Представь, что твои нервы – это провода, – начала объяснять она. – Боль проходит через один или два рабочих нерва, а потом распространяется на нерабочие, которые не связаны с мозгом.

Я смотрела на свои ноги, пытаюсь понять сказанное.

– Кас, – окликнула меня Джорджина. – Постарайся заснуть.

Она снова накрыла мои ноги одеялом, словно саваном, и выключила свет.

– Ты в порядке, Кас? – спросил Гай.

– Не очень, – ответила я, стараясь не расплакаться.

– Мне жаль, принцесса.

Мы лежали без сна, словно обнявшись в темноте.

– Нам никуда от этого не деться. Даже во сне, – сказал Гай.

Никуда не деться. Никуда не деться... Даже во сне...

Пронзительно закричав, я резко села в постели, хватая ртом воздух.

– Кас! – воскликнул Джейми, забегая в мою комнату.

Придя в себя, я включила ночник. Сон был таким реальным. Все происходило как наяву.

– Тебе что-нибудь принести? стакан воды? – Он икнул. – Тебе опять приснился кошмар?

Я кивнула.

– Ты что, пил? – спросила я, почувствовав запах алкоголя.

– Нет, – оскалился Джейми.

– На врунишке горят штанишки!

Когда мы были детьми, папа часто дразнил нас этим стишком.

Джейми пересек комнату и плюхнулся в мое инвалидное кресло. Он снял его с тормоза, попытался поехать вперед и врезался в край кровати. Пытаясь вырулить, он спросил:

– Каково ездить в этой штуке?

– Ужасно. А что?

– Я не могу представить себе, как это, когда ты чувствуешь только верхнюю половину тела, – Джейми провел рукой вдоль талии. – Как будто нижней части совсем нет. Я бы такого не хотел. Ой, извини. – Он покраснел. – Я не это имел в виду. Ну, ты поняла. Папа сказал, что я должен задавать тебе прямые вопросы, а не ходить вокруг да около. – Он снова икнул. – Но у меня что-то ничего не получается.

– Я не могу описать свое состояние, – призналась я.

Джейми соскочил с кресла и пересел на кровать.

– Закрой глаза, – приказал он.

– Зачем?

– Ну, закрой!

Я закрыла глаза.

– Если я стукну тебя вот здесь, ты что-нибудь почувствуешь?

– Нет.

– Совсем ничего?

– Совсем. Может, поиграем в какую-нибудь другую игру?

– Я пытаюсь понять, Кас!

Я открыла глаза и внимательно посмотрела на брата.

– Ладно. Давай еще раз.

Джейми стукнул меня по бедру.

– Сейчас немного по-другому, но я думаю, это потому, что я видела, как ты это сделал.

– Ты что-то почувствовала?

– Нет... Не знаю. Я не знаю, как это описать.

– Сможешь заснуть? Ты вспоминаешь несчастный случай, поэтому тебя мучают кошмары?

Я покачала головой и поведала Джейми, что мне никогда не снилось утро в Пимлико, когда меня сбила машина. Мне снились Дом и Гай, мы снова были в больничной палате. Иногда мне снился Шон. Я убеждала себя, что мне лучше без него. Хотя в глубине души я понимала, что меня ранило то, как он со мной поступил. Ночами я часто думала, что бы я сделала, будь я на его месте. Любила бы я его, как прежде?

– А ты бы смог встречаться с девушкой в инвалидном кресле, Джейми?

– Я даже не знаю. Думаю, да. Главное же – человек, а не его ноги. То есть, конечно, хорошие ноги никому не помешают, но... Не хочешь посмотреть какой-нибудь фильм? – торопливо затараторил он, заметив, что я вот-вот расплачусь.

Мы часто смотрели телевизор в моей комнате, когда он приезжал на выходные.

– Но мы уже посмотрели все фильмы, которые у нас есть.

– Нет, – замотал головой Джейми. – Я купил новые.

В следующую минуту он уже притащил в мою комнату свое полосатое одеяло, держа в зубах бокс с DVD. Джейми поставил диск в проигрыватель и устроился на полу. Он постоянно оборачивался ко мне, чтобы удостовериться, что со мной все в порядке.

– Спасибо тебе, Джейми, – сказала я. Я испытывала теплое чувство привязанности к брату. – И извини, если я иногда разговариваю с тобой командирским тоном.

– Ничего страшного. Ты моя сестра и можешь командовать мной сколько угодно. Я все равно тебя люблю.

Именно в этот момент я поняла, почему мама так сильно любила Джейми. Он был ее бесхитростным славным мальчиком. Совсем как папа.

Рядом с ним я даже не заметила, как уснула.

5

Стены папиного кабинета были увешаны черно-белыми набросками его любимых зданий: флорентийский собор Санта-Мария-дель-Фьоре, собор Святого Павла, здание британского парламента, отель «Савой», собор Парижской Богоматери. Хотя окно было открыто, в комнате стоял едкий запах сигаретного дыма. Рядом с телефоном стояла гранитная пепельница, около которой лежала пачка сигарет. Когда я попала под машину, папа снова начал курить. Мама только для порядка делала вид, что это ей не нравилось.

Находясь в его кабинете, я всегда ощущала светлую ностальгическую тоску. Эта комната напоминала мне о школьных годах, проведенных в Лондоне. Папа работал за письменным столом и разрешал мне делать домашнее задание, сидя рядом с ним. Мне нравилось наблюдать, как он сосредоточенно работал за своей чертежной доской. Тогда он носил длинные волосы и бороду, и мы часто слушали записи его любимой группы – «Роллинг Стоунз»⁴. Потом он доставал щепотку табака из ящика стола и сворачивал самокрутку. Докурив ее, он разбрызгивал по комнате освежитель.

– Только маме не говори, – заговорщически шептал он.

Я остановилась у его стола и взяла в руки рамку со старой фотографией, сделанной во время отдыха. На ней были запечатлены мы с Джейми: мы стояли по обе стороны от папы и держали его за руки. У меня длинные светлые волосы, розовый костюм и толстенные ножки.

Рядом с этим фото стояло другое, со свадьбы родителей. Как меня восхищали папины волосы! Они были почти такие же длинные, как у мамы. И он всегда носил кожаные сандалии. В таком виде он был похож на Иисуса. Мама была одета в кружевное свадебное платье, которое она сшила сама.

– Да, я был самым настоящим хиппи, Кас, – говорил он. – Тогда это было модно. И раньше твоя мама шила для нас одежду. Сколько денег мы тогда сэкономили!

Папа заметил, как я рассматривала эту фотографию. Мамины светлые волосы свободно спадали на плечи, платье подчеркивало осиную талию.

– Она была очень красивой, – заметила я.

– Она и сейчас красавица. Ты как две капли воды похожа на нее, Кас.

Да, в этом отношении мне повезло. Мои волосы хоть и были темно-русскими, но, как и у мамы, отливали золотом, глаза были карими, а рот был такой же широкий, как и у Джейми. Папа часто шутил, что моя широкая улыбка напоминает ему Букингемский дворец.

– Ты что-то хотела? – спросил он, догадавшись, что я пришла не старые фотографии разглядывать.

– Завтра я еду в Лондон.

– В Лондон! – воскликнул он. Затем добавил более спокойно: – Так, хорошо. Значит, Лондон.

– Утром я встречаюсь с Гаем и Домом, а днем – с Сарой. Ты не мог бы подвезти меня завтра до вокзала?

Папа постучал пальцами по столу, прежде чем протянуть руку к пачке «Мальборо».

– Знаешь что? – Он сделал паузу, чтобы закурить сигарету. – Давай я поеду с тобой?

Он неуверенно почесал затылок, совсем как Джейми.

Я скептически приподняла бровь.

⁴ «The Rolling Stones» – британская рок-группа, образовавшаяся в 1962 г. и многие годы соперничавшая по популярности с «The Beatles». (Прим. ред.)

– Как только мы приедем в Лондон, я оставлю тебя одну, обещаю. А сам схожу на выставку.

– Я справлюсь, пап.

Он по-прежнему хмурился, лоб сморщился от беспокойства.

– Папа, я же не единственный инвалид на планете.

Когда я это произнесла, в комнату вошла мама, одетая в летние брюки и кремовую блузу.

– Вот вы где!

Она только что вернулась с работы. Окинув нас взглядом, она сбросила туфли и растерла ступни.

– Что-то случилось?

– Кас собирается поехать завтра в Лондон, – сообщил ей папа о моей невыполнимой миссии.

– Отличная идея! – Мама присела на подлокотник папиного кожаного кресла. – Ты уже связалась с вокзалом, чтобы тебе предоставили помощь на платформе?

– Ага, – кивнула я, задаваясь вопросом, будут ли они впадать в истерику каждый раз, когда я соберусь в город.

– Ты не будешь отключать мобильный?

Я заверила их, что телефон будет все время включен.

– Мне только нужно, чтобы меня подвезли до станции.

– Дорогой, ты же подбросишь ее до вокзала? – Она обернулась к папе, взглядом заставляя его повиноваться.

Он потушил сигарету и бросил ее в пепельницу.

– Кас, почему бы мне не довезти тебя сразу до...

– Папа, – перебила я его. – Я должна сделать это сама.

Я выкатила свое кресло из комнаты, прежде чем он смог возразить и попытаться пошатнуть мою веру в себя.

– Я не возражаю. Конечно, я отвезу ее на вокзал, – донеслись до меня слова папы, когда он решил, что я уже далеко. Я остановилась у двери и прислушалась.

– Дело не в этом, Майкл.

– Я нервничаю.

– А я нет?

– Выглядишь спокойной.

– Ты гонишь!

– Гоню? Маме снова семнадцать? – произнес папа с легкой насмешкой в голосе.

– Ты гонишь, – повторила мама. – Неужели мы будем дергаться каждый раз, когда она будет выходить из дома? Так и поседеть можно. Надо надеяться на лучшее.

Я услышала, как папа пробормотал что-то про то, что он уже потерял надежду.

– Кас должна поехать одна.

– Знаю, знаю... Я с тобой полностью согласен.

– Для нее это огромный шаг вперед, Майкл. Кстати, тебе надо бросить курить, – добавила она.

– Я брошу. – Папа глубоко вздохнул. – Когда Кас вернется из Лондона целая и невредимая.

– Все это очень тяжело, – наконец призналась мама. – В тот день, когда ты впервые увидел Кас на инвалидном кресле... – Она резко замолчала, было слышно только позвякивание ее браслетов. – Нет, это глупо.

– Продолжай.

– Я вспомнила оперу, которую мы смотрели сразу после свадьбы. «Фиделио»⁵. Ту сцену, где заключенных выпускают на прогулку.

– Почему?

– Не знаю. У тебя было такое лицо – грустное и напуганное.

Это случилось через шесть недель после несчастного случая. Папа увидел меня в инвалидном кресле и остановился как вкопанный. Мне дико не нравилось сидеть в этом кресле, но с помощью Пола я научилась неплохо им управлять.

– Смотри! – сказала я папе. С меня еще не сняли спинную скобу, но я сидела прямо, и это меня радовало.

– Здорово, – пробормотал папа.

Он вел себя как-то странно: не снял куртку и не сел на стул, чтобы вместе со мной разгадывать кроссворд. Он просто стоял и смотрел на меня.

– Что-то не так?

– Нет, ничего. Почему бы нам не прогуляться и не подышать свежим воздухом? – предложил он, встав сзади и подталкивая мое кресло вперед.

– Я уже могу катиться сама! – похвасталась я. Мне хотелось, чтобы он гордился моими успехами. – Мне только нужна шерстяная шапка. И свитер.

Он обошел комнату, повторяя:

– Шапка, шапка, шапка. Свитер, свитер, свитер.

– Они в комод.

Он нервно рылся в ящике, разбрасывая ненужные вещи в разные стороны.

Когда я наконец была готова, папа пошел вслед за мной. Проезжая мимо сестринской, я помахала рукой Джорджине.

– Смотри не замерзни, Кас, – предупредила она.

– Смотри, мама! – заметила я, когда мы оказались на улице. Она шла нам навстречу.

– Брен, я забыл кое-что в машине.

Когда она протянула ему ключи, я поняла – что-то не так.

– Пап! – позвала я, но он даже не обернулся. – Я-то думала, что он порадует за меня.

– Он рад, милая. Это, – она указала на меня, сидящую в инвалидном кресле, – большое событие. Ты такая молодец!

А потом она подняла глаза, чтобы посмотреть вслед уходящему мужу.

Я наклонилась поближе к двери, чтобы лучше расслышать их разговор.

– Мы должны побороть страх. Если мы будем трусами, что подумает о нас Кас? – сказала мама.

– Она же моя маленькая кареглазая девочка...

– Я знаю. Но, Майкл, она впервые за много недель подумала о встрече со своими друзьями, хочет поговорить с Сарой. Разве это плохо? Тебя не пугало, что Кас отгораживалась от мира?

– Да, конечно, ты права.

– Я всегда права.

Папа негромко засмеялся в ответ.

– Налить тебе виски с содовой?

– Да, пожалуйста. И налей виски побольше.

⁵ Единственная опера немецкого композитора Людвиг ван Бетховена. Написана по драме «Леонора, или Супружеская любовь» Жана Николая Буйи. (Прим. ред.)

6

Проводник в темно-синей форме долго суетился вокруг моего кресла, прежде чем вкатить меня в вагон по специальному пандусу. Он устанавливал кресло в специальном месте для инвалидов, а я чувствовала на себе любопытные взгляды других пассажиров.

Когда поезд тронулся, я заметила, что папина машина все еще стояла на парковке, хотя я и просила его не ждать отправления. Глядя, как неподвижный автомобиль исчезает на горизонте, я наконец-то ощутила вкус свободы.

Я прокрутила в голове план на день. Сначала я должна была встретиться с Гаем и Домом в торговом центре Вестфилд в районе Шепердс-Буш. Когда мы договаривались о встрече, Дом сказал, что терпеть не может торговые центры, но легкая доступность стала решающим аргументом в пользу этого места для встречи.

Мы сдружились с Домом сразу после того, как меня перевели в реабилитационное отделение. Он был добрым и приветливым. Он часто подъезжал на своем кресле к моей кровати, чтобы поболтать. До инвалидности он работал в туристическом агентстве, которое занималось организацией отдыха для пенсионеров.

– Конечно, это звучит не очень увлекательно, но дело очень прибыльное. Кроме нас, практически никто этим не занимается, – сказал он, поблескивая глазами. – Мы сотрудничаем с туристическими базами по всей Европе.

Он по-прежнему работал в своем агентстве, потому что там его любили и ценили его оптимизм и неиссякаемую энергию.

С Гаем все было совсем иначе. Дом сказал мне, что раньше он работал брокером в Сити. Гай постоянно пребывал в дурном настроении, не хотел делать зарядку и кричал на медсестер. Свое нежелание что-либо делать он объяснял тем, что его долбаная жизнь окончена, так что на кой черт нужны ему эти сраные зарядки. Но каждый раз, выругавшись, он извинялся передо мной, а я улыбалась ему в ответ, надеясь, что наше общение этим и ограничится.

Дом был единственным пациентом нашей палаты, кто не махнул на Гая рукой и не отставал от него ни на минуту.

– Все мы в одной лодке, – говорил он, хотя это было не совсем так. У Гая была травма уровня С6, намного серьезнее, чем у нас.

Но Дом никогда не сдавался. И Гай наконец не выдержал. Когда Дом во весь голос распевал песню «Всегда ищи в жизни лучшее» из Монти Пайтона⁶, Гай воскликнул:

– Ну и сраный же ты шустрик, черт бы тебя побрал!

В палате повисла долгая тяжелая пауза, которая была нарушена взрывом всеобщего хохота. Даже Гай рассмеялся. Так за Домом закрепилась кличка Шустрик.

После этого случая в Гае что-то изменилось, словно кто-то вновь осветил светом его душу. Как-то раз он решил с нами поужинать. Сначала разговаривали только мы с Домом, но Гай ловил каждое наше слово. Хотя ему было не до приятных бесед: он с трудом управлялся с ножом и вилок, поэтому ему частенько приходилось есть тушеные бобы столовой ложкой.

Мы рассказывали друг другу, как попали в больницу. Этой темы невозможно было избежать, поскольку она постоянно витала в воздухе. Однажды, после работы, Дом сел на свой мотоцикл и в следующее мгновение уже лежал лицом на асфальте шоссе.

⁶ «Монти Пайтон» – комик-группа из Великобритании. Группа стала популярной благодаря телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона» и нескольким полнометражным фильмам, среди которых – «Житие Брайана по Монти Пайтону», где и фигурирует упоминаемая в романе песня «Always Look on the Bright Side of Life».

– Задняя шина моего мотоцикла взорвалась. Я все время думаю: а если бы я притормозил на повороте и не мчался, как сумасшедший? Если бы да кабы...

Я, в свою очередь, рассказала им о судьбоносном утре с Шоном. Я тогда всего лишь вышла за продуктами и ни о чем другом не думала. Одна ошибка – и я в инвалидном кресле.

– Зато больше никто не пострадал, – завершила я ребят.

Я также поведала им о моих студенческих буднях в Королевском колледже и о письме Шона. Они не вымолвили ни слова. Шестое чувство подсказало мне, что Гай, скорее всего, думал о том, что он тоже бросил бы меня. А Дом чувствовал себя виноватым, потому что Миранда и глазом не моргнула, когда он стал инвалидом. Казалось, она любила его даже больше, чем прежде.

– Я помню, как очнулся в машине, – вдруг сказал Гай. От неожиданности мы с Домом чуть не подавились супом. – У меня страшно болела шея.

И Гая уже было не остановить – он рассказал, как поздно ночью возвращался после вечеринки и, потеряв управление, врезался в дерево. Спасателям понадобилось шесть часов, чтобы извлечь его из обломков. Пришлось срезать крышу машины. А первые несколько месяцев в больнице он был беззащитнее младенца, ничего не мог делать самостоятельно.

Когда Гай рассказывал об этом, его голос дрожал. Мне было тяжело видеть в его глазах боль, но я все же была рада, что он все-таки заговорил. Этот психологический прорыв был заслугой Дома. Создавалось впечатление, будто после аварии тело и разум Гая полностью отключились и только сейчас к нему начала возвращаться жизнь.

– Медперсонал здесь с нами не церемонится, – заметил Дом как-то вечером.

– Все врачи уроды, – откликнулся Гай. – Ну, почти все.

– Не могу представить тебя среди них, Кас, – добавил Дом. – Я, конечно, здорово взбесился, когда мне сообщили, что я больше не смогу ходить.

– Сильно взбесился! Ах, посмотрите, какой сударь, – начал поддразнивать его Гай. – Я, блин, чуть с ума, на фиг, не сошел. Извини, принцесса.

– Ничего страшного, – сказала я, предлагая друзьям принесенные папой пирожные.

– Я-то думал, что если сломаешь шею, то умрешь, – продолжал Гай. – Я думал, что инвалиды в колясках уже такими рождаются. Да твою налево – прости, Кас, – я даже подумать не мог, что стану овощем! Доктор говорит: «Вы никогда не сможете ходить. Вам придется смириться с этим и жить дальше». С того момента, как я здесь оказался, мне только и говорят о том, чего я больше не смогу делать. Не смогу полноценно работать руками.

Я спрятала свои руки под одеяло.

– Не смогу самостоятельно одеваться. Не смогу потеть или вздрагивать от холода, потому что мои нервы отказали, и поэтому я могу умереть от переохлаждения. Не смогу ничего делать или чувствовать. Не смогу даже в носу поковыряться, блин.

На этот раз он не извинился.

– Самое страшное, – продолжил Гай после небольшой паузы, – что мне придется вернуться в родительский дом. Я обожал свою лондонскую квартиру с видом на Темзу. Я работал как проклятый, чтобы купить ее. Теперь мне тридцать пять, и я буду жить с родителями, – заключил он, окидывая нас с Домом внимательным взглядом. – А они уже старички. Вы же их видели.

Отец Гая был высоким худым мужчиной с редующими седыми волосами. Когда они с женой пришли навестить сына, он молча сидел у больничной койки, понуро свесив голову. Он был похож на раненое животное.

– Я ушел из дома, когда мне было восемнадцать, и отправился в Сити сколачивать состояние. Я был брокером, по выходным играл в гольф. Что я буду делать теперь? Вязать? Ах, нет, подождите, я даже этого не могу.

Чем больше Гай говорил, тем меньше я его боялась. Я обожала Дома за оптимизм, но и циничность Гая находила отклик в моем сердце. И тот факт, что они оба были намного старше меня, не имел абсолютно никакого значения.

Мне пришло новое сообщение на телефон.

«С нетерпением жду встречи, принцесса. Надеюсь, в ресторане подают тушеные бобы. Гай».

Я улыбнулась, вспомнив один забавный разговор за ужином в палате.

– Сегодня снова будешь есть свои бобы? – спросила я Гая.

– Тебя же должно от них, это... пучить, – заметил Дом.

– А я думаю, что за запах странный в палате, – сказала я.

Гай недовольно взглянул на меня.

– Даже не думай говорить плохо о моих оранжевых друзьях, принцесса.

– Одна дама пришла на светский ужин в Лондоне, – начал одну из своих занимательных историй Дом. – На прием был также приглашен американец. В самом начале трапезы хозяйка дома крайне некстати начинает пускать ветры.

Гай загоготал от восторга.

– Но джентльмен, сидящий по левую руку от нее, говорит: «Прошу простить меня, господа». Ужин продолжается, но через несколько минут хозяйка дома вновь пускает газы. Но теперь извиняется джентльмен, сидящий по правую руку от нее. Американский гость, конечно, шокирован увиденным. Через несколько минут дама вновь портит воздух. На этот раз потрясенный американец наклоняется к ней и говорит: «А этот запишите на мой счет, мадам!»

В вагон вошел проводник и попросил мой билет, возвращая меня к реальности. Думая о Гае и Доме, всю дорогу до Паддингтона я улыбалась. Их я хотела увидеть еще больше, чем Сару.

Пассажиры начали собирать свои сумки, портфели, ноутбуки, газеты и журналы. Я выглянула из окна и осмотрела всю платформу. На ней не было никого, кто мог бы помочь мне сойти с поезда. «Без паники, Кас!» – сказала я себе. На нашем вокзале меня заверили, что меня обязательно встретят в конечном пункте моего путешествия. Я наблюдала, как люди выходили из вагонов и проходили сквозь ограждения.

Вагон опустел. Я открыла автоматические двери и расположилась перед самым выходом. К счастью, рядом с кабиной машиниста я заметила металлический пандус, и на платформе как раз появились люди в синей униформе.

– Извините! – окликнула я их.

– Да? – отозвался сотрудник, пивший чай из картонного стаканчика.

– Не могли бы вы мне помочь, пожалуйста? Мне нужен этот пандус, – объяснила я, указывая на необходимый мне предмет.

В этот момент в вагон начали заходить пассажиры.

Мужчины в униформе вернулись к обсуждению вчерашнего матча.

– Не могли бы вы установить пандус, чтобы я сошла? – спросила я, стараясь не кричать и не привлекать к себе внимание пассажиров. – Или перенести меня на платформу?

– Вы вроде молодая. Что, совсем не ходите? – спросил меня один из них.

Я отрицательно покачала головой.

– Извините, дорогуша, но мы не имеем на это права. Техника безопасности, все такое.

Меня охватила паника. В это время в вагон заходила пожилая пара, и я откатила кресло назад, уступая им дорогу. Но вместо того, чтобы отправиться на свои места, они остановились рядом со мной.

– Может быть, мы вам чем-то можем помочь? – спросил меня мужчина. Его волосы уже заметно поредели, зрение явно было слабовато, и я сомневалась, что он сможет поднять газету со стола. Его спутница была одета в цветастое летнее платье и легкие сандалии.

– Я первый раз путешествую на поезде, – пояснила я. – Начало не очень хорошее.

– Возьмешь кресло? – обратился мужчина к своей спутнице, поднимая меня на руки. Он оказался на удивление сильным.

– Тоже мне, техника безопасности, – пробормотал он себе под нос. – Тони Блэр должен ответить за такое.

* * *

– Как прошел день? – тут же спросила мама, как только я пересекла порог дома в тот вечер. Я заметила, что папа подавал ей знаки, что, очевидно, не все так уж радужно. – Как поездка?

– Нормально.

– Тебе кто-нибудь помог на вокзале?

Я кивнула.

– Мам, я очень устала. Я, наверное, лягу спать.

Но сначала я заехала на кухню, чтобы налить себе стакан воды. Мама последовала за мной.

– Ты хорошо провела время с Домом и Гаем? Как дела у Сары? Должно быть, здорово было поболтать с друзьями?

– Ага, – ответила я, едва сдерживая слезы.

Конечно, с одной стороны, я была рада снова увидеть Дома и Гая. Но, с другой стороны, мне было мучительно больно возвращаться в город, где я жила и училась, веселилась, сходила с ума от любви и свободы, где я была независимой и счастливой. Раньше это был мой дом.

Я сидела в своей спальне, затаив дыхание и сжимая в руках скальпель, который стащила из папиного кабинета. Моя встреча с Сарой началась с неловкого молчания, как это обычно бывает после долгой разлуки. Она спросила меня, какой столик мне больше нравится и не надо ли помочь мне повесить куртку на вешалку. Потом она суетилась вокруг стола, отодвигая лишний стул, чтобы освободить место для моего инвалидного кресла.

Я еще сильнее сжала ручку скальпеля.

Пока мы ждали заказанные напитки, мы не знали, что сказать друг другу, разговор явно не клеился. Раньше такие неловкие паузы у нас не возникали. Днем мы с Сарой были ботанами. Попивая черный кофе, мы обсуждали молекулы и генетику, научные открытия и разные части тела. А ночью мы становились завсегдатаями вечеринок в студенческом клубе «Туту», названном в честь Десмонда Туту⁷, который некогда учился в Королевском колледже. Мы танцевали до упаду, а потом в три часа ночи возвращались домой, еле переставляя ноги, с пустыми бутылками водки в руках. Утром, едва продрал глаза, ползли на практику в больницу.

Сегодня мы разговаривали о моей поездке в Лондон и о меню, потратив целую вечность на выбор блюд и напитков. Сара спросила о моих родителях. А когда я попросила рассказать о предстоящей поездке на Гибралтар, она только и ответила, что в этом не было ничего особенного и что она просто хочет получить свидетельство о прохождении практики.

– А так, ничего интересного не происходит, – выпалила она, избегая моего взгляда.

⁷ Десмонд Мпило Туту (род. 1931) – англиканский архиепископ Кейптаунский (первый чернокожий епископ в ЮАР), активный борец с апартеидом. Лауреат Нобелевской премии мира 1984 года. (Прим. ред.)

Сара была самым счастливым и жизнерадостным человеком из всех, кого я знала. Мы с Шоном обожали ее за живость и непосредственность. Единственное, что меня раздражало, – это когда она по утрам пела в душе.

Но сегодня мне было нелегко находиться с ней рядом. Я не чувствовала никакой связи со своей старой подругой и хотела поскорее встретиться с Гаем и Домом. Мы понимали друг друга, могли вместе посмеяться и не испытывать неловкость в присутствии друг друга.

А потом Сара сказала, теребя ремешок своей сумочки:

– Я даже не знаю, как тебе сказать... Ах, Кас. – Она залпом допила оставшееся в ее бокале вино. – Шон...

Мне стало дурно. Вечер был окончательно испорчен.

– Шон встретил... он встречается с другой девушкой.

Сара подлила нам в бокалы вино из бутылки. Я была настолько шокирована, что не могла выдавить из себя ни слова. Конечно, рано или поздно он бы нашел себе другую девушку, но я не думала, что это случится так скоро.

– Кас, скажи что-нибудь.

– Кто она? – просипела я, ощущая в душе разрастающуюся пустоту.

– Ты ее не знаешь. Она на год младше.

Ну что ж, хотя бы выбрал себе пассию не из общих знакомых. И на том спасибо.

– Слушай, он сволочь, и я ненавижу его за то, как он с тобой обошелся. Мне даже смотреть на него противно. Ходит как будто ничего не случилось. Я чувствую себя такой виноватой перед тобой, Кас. Я не хочу общаться с ним в последний год нашей учебы. То есть моей учебы... О, господи. Ты поняла, что я имею в виду. – Сара начала путаться в словах. – Мне так тебя не хватает! Без тебя все совсем по-другому.

– Не надо. – Я схватила ее за руку. – Ты ни в чем не виновата. Мне тебя тоже страшно не хватает.

У меня было такое ощущение, что мы прощаемся навсегда.

Я приставила лезвие скальпеля к своему бедру и сделала глубокий продолговатый надрез. Я смотрела, как моя кровь струится по бледной коже. Мне хотелось знать, как глубоко я должна погрузить скальпель в свою плоть, чтобы хоть что-нибудь почувствовать. Все лучше, чем полное отсутствие чувств и пустота. Я услышала стук в дверь – это папа пришел пожелать мне спокойной ночи.

– Кас! – Он бросился ко мне и выхватил скальпель из моих рук. – Что ты, черт возьми, делаешь?

Он выбежал из моей комнаты. Я слышала, как он распахивал дверцы шкафчика в ванной. Баночки с таблетками посыпались на пол.

– Брен! – закричал он.

Мама стремительно взбежала по лестнице и влетела в мою комнату. Увидев кровь, она пошатнулась, но немедленно взяла себя в руки. Папа забежал в комнату с аптечкой в руках. Я наблюдала, как трясущимися руками они пытались остановить кровотечение. Потом мама дезинфицировала рану, и папа приподнял мою ногу, чтобы наложить повязку на бедро.

– Ножницы, – скомандовала мама. Папа передал ей их, и она быстро отрезала необходимое количество бинта. И через секунду она уже перевязывала мое бедро, натягивая каждый следующий слой повязки туже, чем предыдущий.

– Остановитесь, не надо! Я хочу умереть, – взмолилась я.

Мама бросила перевязку и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

– Как мы можем тебе помочь, Кас? – спросил папа. – Скажи, что нам сделать.

И только тогда он заметил ворох изрезанной бумаги на полу – фотографии Шона, почти превращенные в пыль минувших дней.

Было одиннадцать часов вечера. После случившегося прошло два часа. С лестницы я могла видеть родителей, они сидели на кухне у окна. Папа обнимал маму и укачивал ее, как ребенка.

Прошел еще один час, но я никак не могла заснуть. Вдруг дверь моей спальни распахнулась. Растерявшись, я включила свет.

– Можно войти? – спросила мама. На ней был старый синий халат, который я помню с детства. Она осторожно присела на кровать. Я хотела извиниться. Мне было стыдно за то, что я так сильно расстроила их с папой.

– Я больше никогда не услышу твои шаги, – сказала мама. – Никогда не увижу, как ты стоишь. Сколько грации было в твоей осанке.

Я не плачу. Свою боль я старалась спрятать как можно глубже. Вместо того чтобы прослезиться, я взяла маму за руку.

– Я кричу на тебя, я хочу, чтобы ты выбралась из постели, потому что иначе я чувствую себя виноватой в том, что ты сидишь дома. Я хочу, чтобы ты жила своей жизнью.

– Я знаю.

– Пожалуйста, Кас, не делай больше глупостей. Я же так сильно тебя люблю, ты даже не представляешь. – Она старалась дышать глубоко и размеренно. – И чем старше ты становишься, тем сильнее я тебя люблю.

– Прости меня, – сказала я, прижимая ее руку к своей груди. – Сегодня был ужасный день.

Мама кивнула.

– Да, твой отец рассказал мне о Шоне. Не грусти. Ты найдешь человека, который будет гораздо храбрее и сильнее и который полюбит тебя такой, какая ты есть. Ты талантливая и красивая девочка.

– Ах, мама, – выдохнула я, чувствуя, как к горлу подступают слезы.

– Знаешь, чего мне еще не хватает?

– Нет.

– Я не могу даже обнять тебя как следует.

– Мы можем попробовать.

Мама приподняла одеяло и прилегла рядом со мной. Я держусь за ее руку, чтобы повернуться на бок.

– Так намного лучше, – сказала мама, заключая меня в объятия. – Никакое кресло не мешается.

– Мам, прости меня за то, что я сделала вечером, – извинилась я, крепко стискивая ее.

– Жизнь наладится, Кас. Я уверена, что в мире найдется кто-то или что-то, что поможет нам с этим справиться.

7

Стоял конец июля. Уже почти три месяца я жила дома.

Джейми проводил каникулы на Ибице. Сара совсем недавно уехала на летнюю мед-практику: месяц она проведет в Дублине, а потом еще один месяц на Гибралтаре. Я стараюсь не вспоминать о том, что сейчас, по идее, я должна была работать в полевом госпитале в Африке. Чтобы как-то развеять мою тоску, мама берет выходной каждую пятницу, и мы едем куда-нибудь на машине. Поскольку погода стояла отменная, мама однажды предложила выехать пораньше и устроить пикник.

За последний месяц такие поездки вошли у нас в привычку, и поскольку мы с ней были только вдвоем, я знала о ней много нового – о некоторых вещах она сама никогда не говорила, а я не спрашивала. Оказалось, что дедушка Фред, мамин папа, работал на заводе, а бабушка Перл вообще не хотела обременять себя детьми, поэтому мама была единственным ребенком в семье. Папа жил с ней по соседству (об этом я знала), но про дедушку Эрика, папиного папу, я вообще ничего не знала.

– Он был алкоголиком, Кас. Вся улица знала, что после работы он шел напрямиком в паб, а потом на карачках полз домой.

Дедушка Эрик навестил нас всего лишь один раз, еще когда мы жили в Лондоне. Я помню только, что он постоянно ослаблял узел галстука, дергался и потел. После маминих слов я поняла, что у него была алкогольная ломка. А бабушку Перл я никогда не видела – она не желала принимать участия в нашей жизни.

Я прекрасно понимала, почему мама с папой так близки. Ведь у них не было таких родителей, которыми они стали для нас с Джейми. На всем белом свете у них не было никого, кроме друг друга.

– Мы поклялись, что сбежим в Лондон при первой же возможности, – сказала мне мама. – Мы были такими безбашенными, Кас. Я носила мини-юбку. В то время все были без ума от Твигги⁸ и Мэри Куант⁹. Но мой папа эту юбку просто ненавидел. Мы так страшно ругались из-за нее, что соседи все время грозились вызвать полицию! – Мама смеялась, но это был скорее смех сквозь слезы.

– Как-то раз я собралась с твоим папой в кино, а мой отец говорит: «Бренда, я запрещаю тебе выходить из дома в таком виде! У тебя исподнее видно!» Я не обратила на его слова никакого внимания и направилась к двери. «Немедленно вернись!»

– А ты что? – спросила я, заранее зная ответ.

– Ушла в кино, конечно! – Она засмеялась, довольная собой. – Мы с Майклом были так счастливы вместе, – продолжила мама. – Наша первая квартирка в Шепердс-Буш была крошечной и совсем пустой. У нас не было ни телевизора, ни нормальной кровати, но нас это не расстраивало, потому что мы были наконец-то свободны. Мы знали, что чего-нибудь да добьемся в жизни. Мы бы ни за что не вернулись домой.

Еще я узнала, что мама ходила на кулинарные курсы в престижном районе Лондона. Но однажды разделка индейки и чистка рыбы навсегда отбили у нее охоту готовить. Через пару месяцев курсы были заброшены, потому что мама нашла работу у техасца по имени Трой. Он был первым вице-президентом нефтяной компании и нанял маму в качестве секретарши. На собеседовании она, не моргнув глазом, соврала, что печатала со скоростью света, а ее навыкам стенографистки позавидовал бы сам дьявол. Предварительно папа помог ей под-

⁸ Лесли Хорнби (род. 1949) – английская супермодель, актриса и певица. Известна под псевдонимом Твигги (*Twiggy*, буквально – «тоненькая, хрупкая», от англ. *twig* – «тростинка»). (*Прим. ред.*)

⁹ Мэри Куант (род. 1934) – британский дизайнер, модельер одежды. Считается создательницей мини-юбок. (*Прим. ред.*)

делать рекомендации. Легенда затрещала по швам, когда оказалось, что Трой очень быстро говорит. Поэтому маме пришлось проворачивать такой трюк: она намеренно ломала карандаш, выбегала из кабинета, брала целый, заполняла пропуски в диктовке и возвращалась на место. Но однажды Трой преподнес ей набор из десяти блестящих, идеально заточенных карандашей.

– Чтобы ты больше не утруждала свои стройные ножки, бегая за карандашами, – подмигнул он.

Пока мама флиртовала с начальником, папа усердно учился на архитектурном факультете Кингстонского университета.

– Мне нужна была эта работа. Платили мне там неплохо, а у твоего папы не было ни гроша. Трой догадывался, что я немного преувеличила свои достоинства, но его восхищала моя уверенность в себе и желание работать. В жизни иногда приходится рисковать.

Я посмотрела в окно.

– Куда мы едем, мам?

Мы ехали уже больше часа.

– Понятия не имею! Куда глаза глядят.

– Ну, ладно. Мне спешить некуда. Телевизор и печенье в лес не убегут.

Дела дома за последний месяц наладились. Я больше не чувствовала себя несчастной. Но и счастливой себя не чувствовала. Я находилась в нейтральной зоне. Постепенно я привыкла к такой жизни и научилась сосуществовать с родителями на одном квадратном метре.

Я даже начала делать кое-какую работу для маминой конторы: печатала на компьютере договоры и деловые письма. Но над нами все равно нависла тень неизвестности. Чем мне теперь заниматься? Не могла же я вечно жить у родителей.

Мы ехали вперед по незнакомой дороге. Я включила радио и задумалась о недавней поездке в Лондон: на этот раз на платформе меня ждали с пандусом. Гай признался нам, что у его отца был нервный срыв.

– Они же старики, пенсионеры. Они должны жить в свое удовольствие. А тут я камнем на шее. Мне, конечно, очень повезло, что я не попал в дом инвалидов. Люди с моей травмой обычно там и оказываются. Так что я решил пройти курс истории в Открытом университете Лондона. Прежде чем меня втянуло в водоворот Сити, я хотел стать учителем. Я не хочу сидеть на одном месте и бездельничать до конца своих дней. Я еще не потерян для общества. Мы не потеряны для общества!

Последняя реплика явно предназначалась мне.

Дом часто заводил со мной разговор о том, что мне пора задуматься о будущем и, возможно, вернуться к изучению медицины. Но из уст Гая это звучало странно. С одной стороны, я была рада за него. С другой стороны, меня одолевал страх. Если даже Гай строит планы на будущее, то какое я имею право сидеть сложа руки?

Время близилось к четырем часам дня. Я решила взглянуть на карту. Мама завезла нас на узкую проселочную дорогу у черта на куличках. «Осторожно! Сбросьте скорость» – было написано на дорожном знаке. Мы ехали несколько часов без остановок и теперь точно заблудились. А мама припарковалась посреди поля и, сказав, что очень сильно хочет в туалет, вышла из машины. Я подумала, что она пристроится за ближайшим деревом, и нахмурилась от этой мысли. Но мама быстрым шагом пересекала поле и скоро исчезла из вида.

Меня клонило в сон. Я закрыла глаза и снова подумала о Саре. Она обещала написать мне. Нам не хватает нашей былой дружбы, мы хотим поддерживать отношения, но это непросто. Саре неудобно говорить со мной о медицине и колледже. Когда мы виделись в последний раз, она сказала, что наша преподавательница Мариелла Коцци спрашивала обо мне. В колледже она была моим любимым преподавателем. Жгучая пятидесятилетняя итальянка с потрясающе стройными ногами и розовыми прядками в темных волосах. Она всегда

носила высокие шпильки, как моя мама. Я сразу представила одну из ее лекций в просторной аудитории колледжа. Коцци говорила, что если человек страдает от ожирения, это значит, что он слишком много ест. Все очень просто. Я обожала ее неполиткорректные высказывания. Она рассуждала, что нужно обязательно в такой ситуации взять себя в руки. Записаться в спортзал, меньше есть и купить велосипед! А если не можешь позволить себе велосипед, то тогда гуляй! Совершенно бесплатно! Совершенно бесплатно...

– Какое странное место, – сказала мама, вернувшись в машину, и пристегнула ремень безопасности. – Повсюду собаки.

Она почесала предплечье.

Я немедленно встрепенулась.

– Собаки?

– Да.

– Это, наверное, какой-нибудь клуб собаководства.

– Нда. На них были такие смешные сиреневые попоны.

– Попоны?

– Ага. И они делали всякие странные вещи.

Она повернула ключ зажигания.

– Какие, например?

– Ну, я видела, как одна собака доставала наволочку из стиральной машины! – засмеялась мама. Ее звучный смех мог бы заполнить стадион.

– Правда?

– Да-да! И кому захочется, чтобы их наволочка пахла собачьими слюнями? Нет уж, спасибо!

Мы медленно направились обратно к шоссе.

– А какие собаки там были?

– Кажется, лабрадоры.

– Может быть, это собаки-поводыри?

– Очень может быть. – Она склонила голову набок. – Да, скорее всего, так и есть.

Я с подозрением изучила мамино лицо, но его выражение было непроницаемым.

– Итак, домой! Твой папа будет волноваться, что нас так давно нет. Ты разобралась с картой?

Следующие несколько километров нашего пути у меня гудела голова. Гай собирался изучать историю, Дом с Мирандой двигались дальше, Сара уехала на стажировку, Шон давным-давно нашел другую девушку. И внутренний голос подсказывал мне, что надо развернуться.

– Мама.

– М-м?

– Давай вернемся?

– Куда?

– К собачкам.

Мама сбросила скорость.

– Зачем?

Даже себе я не могла ответить на этот вопрос.

– Ну, пожалуйста. К тому же ты с самого начала планировала завезти меня сюда, не так ли? – Я засунула карту обратно в бардачок. – Ты прекрасно знаешь, где мы находимся!

– Кас, ты о чем?

– Неважно! Просто развернись!

Мама притормозила у обочины, развернула машину, и мы поехали обратно по ухабистой проселочной дороге.

8

Мы с мамой сидели в приемной, стены которой были увешаны фотографиями бежевых, черных и коричневых лабрадоров в сиреневых пополах. Некоторые стояли, положив лапы на колени хозяевам. Некоторые собаки с гордым видом сидели рядом с инвалидными креслами, и счастливые хозяева обнимали своих четвероногих друзей. Я двигалась вдоль стены, читая подписи под изображениями. «Рейчел и Элвис». На Рейчел была мантия и шапочка выпускника, и она держала в руках диплом, к которому прикоснулся лапой Элвис.

На другой стене, рядом с туалетом, висела доска с вырезками из газет, на которых были изображены собаки, достающие продукты с полок супермаркета. Из соседней комнаты доносилась громкая музыка. Это были «Блэк Айд Пис»¹⁰. Я снова бросила взгляд на маму. Не могли мы случайно наткнуться на это место!

Не спеша я приблизилась к двери. Вдруг она распахнулась, и в приемную вошла полная женщина в джинсах, футболке и кроссовках. Она промчалась мимо нас с мамой, не обратив на нас никакого внимания. Я заглянула в соседнюю комнату, и мое сердце растаяло. Я увидела золотистых и черных щенков со смешными ушами и в малюсеньких сиреневых слюнявчиках. Один щенок прыгал через желтый обруч.

– Подожди... Назад... Молодец! – сказала ему пышногрудая женщина в сиреневой футболке.

– Ох, мама, посмотри на них, – громко вздохнула я.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – раздался мужской голос сзади нас.

Мы с мамой обернулись и увидели высокого темноволосого мужчину в толстовке из сиреневого флиса.

– Здравствуйте. Мы просто осматриваемся, – ответила мама, будто мы зашли в магазин одежды.

Он с сожалением покачал головой.

– Мы не любим, когда люди приходят на тренировки, не назначив предварительно встречу.

– Встречу?

– Да. Мы благотворительная организация «Друг человека»¹¹. – Он указал на логотип, вышитый на его толстовке: собака рядом с человеком в инвалидном кресле. – Мы обучаем собак для помощи инвалидам. Вам это интересно?

Он повторил вопрос. Я подняла голову и с удивлением осознала, что он обращается лично ко мне. Обычно ко мне обращаются через маму, говоря что-то вроде: «Она сегодня так хорошо выглядит!»

– Я не знаю, – ответила я. Внутренний голос негодовал. «Конечно, тебе интересно! Скажи ему, что тебе интересно!»

Лицо мужчины смягчилось.

– Стюарт Харрис. Исполнительный директор. – Он пожал маме руку. – Приятно познакомиться, миссис...

– Брукс.

– А вы?... – обратился он ко мне, поскольку я забыла представиться.

– Кас, – пробормотала я.

¹⁰ «Black Eyed Peas» – американская хип-хоп группа из Лос-Анджелеса. (Прим. ред.)

¹¹ «Canine Partners» (англ.) – реально существующая благотворительная организация в Британии, целью которой является обучение собак-партнеров для инвалидов. Сайт: <http://www.caninepartners.org.uk/>.

– Простите, как? – Он был такой высокий, что ему пришлось наклониться ко мне, чтобы расслышать, что я говорю. Потом он слегка постучал пальцем по своему уху. – Со слухом беда. В моем-то возрасте.

Он лукавил: ему было не больше сорока пяти.

– Кас, – повторила я. Во рту у меня была пустыня Сахара.

– Смотрите, – сказал Стюарт, отводя нас от двери в другой угол приемной. – Вообще нам запрещено проводить посторонних людей на тренировки. Но если вы пообещаете вести себя как мышки, то я разрешу вам посмотреть на щенков постарше.

Он аккуратно приоткрыл дверь.

– Эти ребята уже на продвинутом курсе тренировок, – гордо объявил Стюарт.

И снова мое сердце екнуло, только щенки уже были намного крупнее, но все такие же подвижные. В комнате было шесть собак, и каждая со своим тренером.

Мы расположились в углу, где стояли шкаф для хранения документов и стол с компьютером. Комната выглядела очень просто: серый пол, белые стены.

– Необходимо, чтобы комната выглядела как можно проще, – сказал Стюарт. – Чтобы ничто не отвлекало наших маленьких героев. Что вы делаете? – прошептал он.

Мама чистила сиденье своего стула, отвлекая собак и тренеров звоном золотых браслетов.

– Страхиваю собачью шерсть, – сказала она. – У меня от нее сыпь.

– У вас аллергия на собак? – удивился Стюарт.

– Сядь уже, мама, – взмолилась я.

Она последний раз провела рукой по сиденью, прежде чем опуститься на него. Сделала она это с таким видом, будто под ней была плита с раскаленными шипами.

Стюарт наклонился ко мне.

– Как видите, большинство наших подопечных – представители породы ретриверов, но у нас также есть гибриды пуделей и лабрадоров.

Он указал на черного лабрадудля с голубыми глазами и потрясающей кудрявой шерстью. Тот поднял с пола связку ключей и отнес своему тренеру, девушке, которая сидела в инвалидном кресле. Я обратила внимание на то, что все тренеры были молодыми женщинами, и все они были одеты в сиреневые футболки и синие джинсы.

Стюарт сказал нам, что в этой комнате мы видим щенков в возрасте от четырнадцати до девятнадцати месяцев.

– Мы стараемся начинать тренировать наших щенков с семи недель от роду. Чем раньше мы начинаем, тем лучше. Они очень быстро учатся, схватывают все на лету. Они впитывают знания и навыки, как губка.

Я с восторгом наблюдаю, как лабрадор шоколадного цвета бережно снимает перчатку с руки тренера.

– Умница! – сказала она, когда перчатка повисла в его зубах. Довольный собой щенок положил ее на колени тренера и завилял хвостом в ожидании угощения.

Другой лабрадор стоял у стиральной машины в углу комнаты и открывал ее дверцу лапой, за что получал поощрение в виде кусочка морковки.

– Очень важно всегда поощрять их за хорошо сделанную работу, – сказал Стюарт. – Наши собаки не роботы и не рабы. Они не будут ничего делать, если не захотят. Но когда они найдут своего хозяина, то они сделают для него абсолютно все. Их любовь безусловна.

Мы с мамой наблюдали за щенком, который находился ближе всего к нам. Он сидел перед белым мусорным ведром с педалью.

– Что это за порода?

– Голдендудель.

– Какой дудль, простите?

– Голдендудль. Гибрид пуделя и золотистого ретривера. Пудели – очень умные собаки, – добавил он шепотом, будто раскрывал нам секретную информацию.

У тренера этого щенка было какое-то щелкающее устройство, которое она пускала в ход, когда ее подопечный делал все правильно. Но как только он пытался открыть крышку ведра зубами, тренер переставала щелкать. Щенок свалился на бок и подставил ей пузико, однако хозяйка не приласкала его, отчего тот очень расстроился. Мне казалось, что он уже давно не может решить эту задачку с ведром. Наконец он сел, наклонил голову набок и поставил лапу рядом с педалью. Тренер немедленно его похвалила, дала морковку и пощелкала устройством. Наконец щенок снова занес лапу и поставил ее на педаль, открывая таким образом ведро под бурные аплодисменты своего тренера, меня и моей мамы.

– Ух ты! Мам, это потрясающе!

– Жаль, что я не могу твоего отца так натренировать.

– Наши собаки учатся делать разные удивительные вещи, – заверил нас Стюарт. – Они помогают своим хозяевам одеваться и раздеваться, умеют пользоваться лифтом, знают, что делать в экстренной ситуации... Но главная их задача не в этом, – сказал он, глядя на меня. – Когда люди приходят к нам за помощью, они бледные, часто страдают от лишнего веса и погружены в депрессию, взгляд их безжизненный. – Он слегка прищурил глаза. – Но, когда они привязываются к собаке – возможно, это прозвучит глупо, – они начинают жить заново.

Вдруг до меня донеслось поскуливание – щенок посередине комнаты явно скучал. К его ярко-красному ошейнику был пристегнут поводок, который крепился к небольшому крючку в стене. Когда я помахала щенку рукой, он завилял хвостом и попытался подойти ко мне, хотя из-за поводка ушел он недалеко.

– Секунду, – сказал Стюарт, вскакивая со стула и подходя к щенку. – Тикет!¹² Сидеть! Скоро и до тебя дойдет очередь. Вот так, молодец.

Стюарт вернулся к нам с мамой.

– Этот щенок как заводной. Шестнадцать месяцев, а уже такой озорник.

Тикет был лабрадором с шерстью медово-золотистого оттенка.

Он продолжал скулить и лаять.

– Мне кажется, он хочет что-то тебе сказать, Кассандра.

– Мне?

Стюарт подошел к Тикету, отстегнул поводок, и в следующую секунду щенок запрыгнул мне на колени. Я засмеялась, испытав непередаваемую радость. Стюарт извинился перед тренерами за то, что мы отвлекаем их, но одна из девушек-тренеров с любопытством наблюдала за нами.

– Тикет, познакомься. Это Кас. – Стюарт познакомил нас, как будто мы пришли на свидание вслепую.

Я протянула руку к щенку и пощекотала его подбородок.

– Привет, Тикет! Ты хороший песик? Да-да-да, ты хороший!

У него были мягкие шелковистые уши, гладкая шерсть и блестящие хитрые глаза. Он подпрыгнул и наградил меня влажным поцелуем в щеку.

– Кас, неизвестно, где побывал его язык, – заметила мама, но замолчала, поймав суровый взгляд Стюарта.

– Тикет! Замечательное имя. И ты такой симпатяга! – Я взяла его морду в обе руки и поцеловала его кожаный нос. Надо было брать с собой сумку побольше. Тогда я смогла бы незаметно увезти его домой. Никто бы и не заметил пропажу одного щенка.

Стюарт отступил на шаг назад.

¹² Ticket – билет (англ.).

– Это любовь с первого взгляда. Ведь ты от него в таком же восторге, как и он от тебя. Я прав, Кас?

Я чувствовала приятное мерцающее тепло внутри, но тренер забрала Тикета, и это тепло немедленно погасло.

– На следующем этапе мы подберем ему хозяина.

– То есть он может достаться кому-то другому? – выпалила я.

Стюарт проницательно посмотрел мне в глаза.

– Ну да, Кас. Но ты можешь подать заявку на участие в нашей программе.

Когда мы с мамой направлялись к выходу, Стюарт дал мне пакет документов: брошюры с необходимой информацией и анкету участника.

– Не отдавайте Тикета никому, – взмолилась я шепотом, когда Стюарт наклонился ко мне. – Пожалуйста, оставьте его мне!

И могу поклясться, что в этот момент я заметила краем глаза, как мама ему подмигнула.

По дороге домой мы с мамой не обсуждали произошедшее, но как только я оказалась дома, то бросилась изучать выданные Стюартом брошюры. В них было написано, что в самом начале главной задачей тренеров – в «Друге человека» их называют наставниками – является приспособление щенков к ситуациям, в которых они будут находиться чаще всего. С двух до четырнадцати месяцев щенки ходят со своими наставниками по оживленным улицам, супермаркетам, больницам и офисам. Наставникам приходится передвигаться в инвалидных креслах, пользоваться лифтами для инвалидов или широкими проходами в супермаркете. Щенка учат справляться с проблемами и препятствиями, что является самым главным навыком собаки-помощника.

Когда щенки расстаются со своими наставниками, они попадают в тренировочный центр «Друг человека» для прохождения шестимесячного курса тренировок. Благодаря тому, что организация получает щедрое спонсирование, собак выдают бесплатно.

В анкете необходимо ответить на вопросы о себе: место работы, домашняя обстановка и тип инвалидности. Если я хочу участвовать в программе, необходимо предоставить организации копию моей медицинской карты.

Последний вопрос выделен жирным шрифтом. **«Пожалуйста, расскажите нам, почему Вы хотите участвовать в программе «Друг человека» и какими Вы видите результаты этого сотрудничества. Это самая важная часть заявки, поэтому мы хотим, чтобы Вы ответили на этот вопрос предельно честно и своими словами».**

Я вернулась к началу анкеты и вписала свое имя и адрес. Я ставила галочки, обводила нужные ответы. Отвечая на последний вопрос, я поняла, что мне не хватает места, поэтому пришлось писать на обратной стороне листа.

– А что ты делаешь? – спросила мама, когда я дописывала ответ. Она удивилась, обнаружив, что я сижу в темноте и с выключенным телевизором. – Тебе же ничего не видно.

Мама прошла через гостиную и включила лампу рядом с диваном.

Я остановилась и посмотрела на свой мизинец, запачканный черной пастой. Я так и не смогла понять, был ли сегодняшней день запланирован мамой или нет. Хотя, с другой стороны, собака в доме была ей совершенно ни к чему.

Я показала маме свою анкету.

Мое сердце бешено колотилось, когда она читала ответ на последний вопрос. Она посмотрела на меня, потом опустила глаза на листок.

– «Я хочу снова испытывать привязанность к другому живому существу», – прочитала она вслух.

– Я очень хочу собаку, – сказала я. – Я хочу, чтобы у меня был Тикет.

Мама продолжала молчать.

– Что ты думаешь по этому поводу?

– Кас, ты можешь взять хоть десять собак, если это сделает тебя счастливой. – Она улыбнулась, смахивая слезу. – Ты даже не представляешь, как я рада, что ты спросила меня об этом.

Я всегда думала, что знаю маму как облупленную. Но сегодня она показала себя с совершенно неожиданной стороны. И, когда она выходила из гостиной, я подумала: чего еще я о ней не знаю и сколько еще таких открытий мне предстоит сделать?

9

День уже близился к завершению, а я до сих пор не собрала вещи. На следующий день я уезжала на двухнедельный курс обучения в тренировочном центре «Друг человека» в деревне Хейшотт в Западном Суссексе.

Прошло три месяца с моего первого посещения «Друга человека». За это время к нам приезжал специалист, который проверил, пригоден ли дом для собаки. Помимо этого, я прошла трехдневный испытательный срок. За эти три дня тренеры смогли оценить, насколько хорошо мы взаимодействуем с собаками. Увидев Тикета впервые после того дня, когда он запрыгнул мне на колени, я поняла, что мои чувства к нему не только не изменились, но стали еще крепче. Он сразу подбежал ко мне, обнюхивая мои старые кроссовки, спортивный костюм и инвалидное кресло, как будто это были самые интересные вещи на свете. Потом он в знак приветствия облизал мою руку. Линдси, главный тренер, сказала, что после испытательного срока почти сразу становится ясно, кто с какой собакой уйдет. Тем не менее был некоторый элемент неожиданности, потому что тренеры могли заметить то, чего не видим мы. Но я была на сто процентов уверена, что мне достанется Тикет.

Я ничего так сильно не хотела, как привезти Тикета домой. Тем не менее уезжать от мамы с папой на две недели было для меня прыжком в неизвестность.

Я переживала из-за многих возможных неприятностей, но самым страшным для меня было то, что я не могла ходить в туалет как обычные люди. Это было наихудшим последствием травмы позвоночника, если не считать невозможности ходить. Съездить на один день в Лондон не представляло особого труда, но две недели вне дома были серьезным испытанием. Вдруг со мной что-то случится?

Пробыв несколько дней в больнице в Сток-Мандевилле, я заметила, что ни разу не ходила в туалет. По приобретенным в колледже знаниям я поняла, что у меня проблемы. Тем не менее я все равно была шокирована, когда Джорджина сказала, что пациент с повреждением позвоночника больше не может ни чувствовать, ни контролировать свой мочевой пузырь и кишечник.

Я закрыла глаза, вспоминая, как Джорджина объясняла мне, как справиться с этой проблемой.

– Сегодня я научу тебя пользоваться катетером, – сказала она в своей обычной непринужденной манере. – Тебе придется внимательно следить за тем, сколько жидкости ты употребляешь. Я бы порекомендовала каждые три-четыре часа опорожнять мочевой пузырь при помощи вот этого. – Она держала в руках нечто, напоминающее трубочку для коктейля. – Они одноразовые. Ты должна использовать только стерильные катетеры, поскольку при введении инородного тела в мочевой пузырь велика опасность инфекции.

Вспомнив свой первый урок использования катетера, я вздрогнула. Я лежала на койке с широко раздвинутыми ногами и пыталась вставить трубку в мочеиспускательный канал. А надо мной склонилась Джорджина и командовала, что и как делать.

– Немного выше. Нет! Чуть ниже!

Джорджина не замечала, как сильно я была расстроена и как некомфортно себя чувствовала, а если и заметила, то не обращала на это никакого внимания. Лежа в такой позе на кровати, я думала, насколько унижительна и неестественна была вся эта процедура, и ужасалась тому, что мне придется проделывать ее до конца своих дней. Я даже пожалела, что не мужчина. Они хотя бы видели, что и куда вставлять.

– Ты быстро наловчишься, Кас, – заверила меня Джорджина. – Скоро ты будешь делать это на автомате. Для тебя это будет так же естественно, как чистить зубы. Уж поверь мне.

Я ничего не ответила. Это был единственный раз, когда я подумала – хорошо, что мои отношения с Шоном завершились. Эта процедура была совершенно не привлекательна.

– Что касается опорожнения кишечника, – продолжала Джорджина, – здесь все немного сложнее. Поэтому лучшим решением для тебя будет ходить в туалет по расписанию. Например, каждое утро. Хорошо бы еще принимать слабительное перед сном, чтобы облегчить процесс. Еще необходимо пить побольше жидкости, есть много клетчатки и вести активный образ жизни, насколько это возможно.

В конце урока Джорджина сказала:

– Тебе повезло, Кас. Многие люди с травмой позвоночника не могут пользоваться катетером самостоятельно. В твоем случае никто даже не будет знать, что он у тебя есть. Так что не вешай нос, дорогуша.

Услышав шаги за дверью спальни, я открыла глаза.

– Кас, ужин готов... Ой, – сказала мама, увидев пустой чемодан на полу. – Почему ты еще не собралась?

– Я успею.

Мама облокотилась о дверной косяк.

– Возьми побольше теплых вещей. На дворе настоящая зима.

Хотя был конец октября, она была одета в толстый вязаный свитер с высоким воротником и плотные джинсы.

– Э-э...

– Ты что? Боишься ехать? – спросила она, положив руки на бедра.

– Нет!

Она недоверчиво приподняла бровь. Мама, как всегда, видела меня насквозь.

– Да, – наконец призналась я. Меня никак не покидало это неприятное тяжелое чувство в желудке.

Мама присела на краешек моей кровати.

– Хорошо, и что же тебя беспокоит больше всего?

Я прикусила губу.

– Я не хочу попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию. Я так переживаю, мам.

– Понятно, – сказала мама. – Если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы, ты обязательно должна рассказать о них кому-нибудь. И, милая, во время тренировок будет достаточно перерывов, чтобы ты могла поесть и сходить в туалет. Постарайся не беспокоиться.

– Э-э...

– И ты всегда можешь позвонить домой, если захочешь поговорить. Только не звони после девяти. – Она ухмыльнулась. – Ты же нас знаешь. Мы с твоим стариком отцом постоянно вырубаемся перед телевизором. И в полвосьмого тоже лучше не звонить, потому что в это время показывают «Жителей Ист-Энда»¹³ и там как раз начинается самая интригующая часть.

Я ухмыльнулась.

– Значит, можно звонить только в восемь вечера?

– Кас, ты можешь звонить в любое время. И не забудь взять с собой будильник! Я же не смогу тебя будить.

Папа взбежал по лестнице с моим мобильным телефоном в руке. Я взяла мобильный и сделала знак родителям, что хочу уединиться. Мама встала и сказала, что вернется через пять минут, иначе в духовке сгорит рыбный пирог.

– Алло!

¹³ Популярный британский сериал о жителях восточной части Лондона.

– Это Гай, – сказал нежный голос в трубке. – Хочу пожелать тебе удачи, принцесса. Я начала накручивать прядь волос на палец.

– Спасибо.

– Что-то не так?

– Я уезжаю на две недели, Гай.

– Ты пережила четыре месяца со мной и Шустриком, так что я уверен, что ты переживешь две недели с милой собачкой.

Я тяжело вздохнула.

– Слушай, ты только об этом и говорила последнее время. Тикет то, Тикет это. Ты будешь жалеть, если откажешься.

Он был прав. Я бы очень сильно пожалела.

– У тебя все получится, – подбадривал меня Гай. – К тому же Тикет никогда не простит, если из-за тебя он попадет к тому парню Тревору, который даже не появился на первом занятии.

– С каких пор ты стал таким мудрым? – засмеялась я.

– Я всегда таким был, просто хорошо это скрывал. Давай, принцесса, привози эту собачку домой!

10

В первый день тренировок я завтракала со всеми членами группы. Все были слишком напряжены, чтобы болтать или есть, потому что в этот день нам должны были сказать, какая собака кому достанется. Вчера вечером Линдси еще раз предупредила нас, что иногда все складывается не так, как бы нам этого хотелось, но мы останемся довольны.

Напротив меня сидела Дженни. Ей было за пятьдесят, и у нее была редкая болезнь, когда мозг посылал мышцам неправильные сигналы. Она носила очки, мешковатую одежду и короткую прическу. Дженни была такой хрупкой, что, казалось, легкое дуновение ветра могло сбить ее с ног.

На другом конце стола сидел Том. У него был церебральный паралич. Было сложно понять, что он говорил, потому что он очень сильно заикался. Том отчаянно хотел общаться с миром, но болезнь сдерживала его, делая все, чтобы он не мог произнести ни слова. Тем не менее ему удалось сказать мне, что я похожа на Мишель Пфайффер – такая же красивая. Я немного смутилась и покраснела. Мне было очень приятно услышать такой комплимент в свой адрес.

Тому было двадцать лет, он учился на факультете журналистики Лидского университета. Он хотел стать репортером или работать режиссером на радио. Его небольшие бледные руки были болезненно скрючены, поэтому свои эссе они печатал на компьютере при помощи стилуса, прикрепляемого к его голове.

– А ты... чем... занимаешься? – спросил Том, когда мы только познакомились.

– Ничем, – ответила я и торопливо добавила: – Раньше я изучала медицину.

Я вспомнила о Саре, оканчивающей Королевский колледж. Вдруг я совершила ошибку, забросив учебу?

Еще в нашей группе была Алекс, и она не знала, какая у нее болезнь.

– Разве тебе не хочется иногда залепить по лицу тем, кто постоянно спрашивает, что с тобой не так? Когда я слышу этот вопрос, мне хочется развернуться и спросить: «А что не так с тобой?» Что ж, я не знаю, что со мной не так. Знаю только, что это как-то связано с нервами.

Том начал что-то говорить.

– Мы... можем... определить... тебя в...

Мы все терпеливо слушали, надеясь, что концовка оправдает ожидание.

– ...раздел «Другое», – закончил он и рассмеялся так сильно, что его плечи затряслись и он уронил свой бутерброд на пол.

Еще был Тревор, у которого уже двадцать лет был остеоартрит. Он страдал серьезным ожирением, в основном из-за того, что сильные боли не позволяли ему делать даже элементарную зарядку. Сегодня он надел значок с надписью «Инвалид и горжусь этим!». Тревор постоянно говорил о разных приспособлениях и устройствах. Например, вчера он рассказывал нам о разделочной доске с шипами и выемкой, на которые можно было положить огурец или другой овощ и он бы не скатился на стол или на пол.

– Я отдал за нее семьдесят фунтов! – воскликнул он и с грустью добавил: – Боюсь, я стал жертвой рекламы.

И, наконец, с нами был Эвхард. Ему было двадцать восемь, и он был младшим капралом в Королевской морской пехоте. Он рассказал мне, что в 2007 году служил в Афганистане, но после взрыва мины был отправлен домой с ранением. Ему ампутировали ногу выше колена, и теперь он был вынужден носить протез. Он мог ходить.

– Правда, с трудом, – добавил он. Когда Эвхард уставал или когда ему надо было преодолеть большое расстояние, он прикреплял свой протез к спинке инвалидного кресла. Вот

и все, что я о нем знала. Вчера за ужином он вел себя тише всех, быстро отвечал на вопросы и за обедом не произнес почти ни слова. Линдси постоянно повторяла, что нашим собакам нужен друг так же, как и нам, и что мы всегда должны разговаривать с ними и побольше смеяться, чтобы собаки получали положительные эмоции. Но Эдвард всегда вел себя сдержанно и сидел опустив глаза.

После завтрака мы собрались в одном из помещений для тренировок. Настал момент истины. Я знала, что получу Тикета, но все равно нервничала, как старлетка на вручении премии «Оскар».

Когда Линдси вошла в комнату со своими записями в руках и встала в центр нашего круга, мы сидели тихо-тихо и почти не шевелились. Она выглядела эффектно даже в простых джинсах и футболке.

– Что-то вы притихли, – заметила она, поправляя волосы, хотя прекрасно знала, почему мы такие неразговорчивые.

– Мы в панике. Это называется массовая паника, – пробормотал Тревор. – Надеюсь, вы не отдадите мою собаку кому-нибудь другому. Мне нравится Пандора.

Он посмотрел на всех нас по очереди, чтобы удостовериться, что его все поняли.

– Но вы не должны слишком расстраиваться, – напомнила Линдси. – Может, вы и считаете какую-то собаку идеальной, но она может вам не подходить.

– Да-да, вы это уже говорили, – проворчал Тревор.

Линдси не собиралась прерывать нашу агонию. Она продолжила свою речь, рассказывая нам, что некоторые собаки могут тяжело переживать расставание с тренерами и организацией в целом.

– Собаки любят постоянство и стабильность. Так что за эти две недели вы должны показать им, что теперь вы их хозяева. Ладно, будем приобретать собак по очереди.

Она вышла и вернулась с Пандорой на поводке. Собака была аккуратно расчесана и одета в сиреневую попону. Я была уверена, что Линдси наслаждалась моментом. Она вела себя как судья на шоу «Голос», которые оттягивают момент объявления имен конкурсантов, прошедших в следующий тур. Тревор начал тяжело дышать, глядя, как Пандора весело шагает рядом с Линдси. Я подумала, что ему придется расстегнуть верхнюю пуговицу брюк. Пандора завилась хвостом, оказавшись рядом с ним.

– Хорошая девочка, – сказал Тревор, будучи уверенным, что сейчас она остановится и сядет у его ног в сандалиях, но Линдси повела ее дальше, подозрительно близко ко мне. Пандора обогнула мое кресло.

– И Пандора достается... – Линдси выдерживала драматическую паузу, не хватало лишь барабанной дроби. – Тревору!

Когда Том получил Лео, он охнул от облегчения, как будто все это время сидел, задержав дыхание.

Эдварду досталась Тинкербелл¹⁴, миленькая девочка-лабрадор шоколадного цвета. Когда он улыбнулся, меня поразила теплота в его зеленых глазах.

Пока все получали тех собак, которые им нравились больше всего. Я могла расслабиться, поэтому Тикет уже точно был моим. Следующей была Присцилла, лабрадудель. Хотя она была гибридом пуделя и лабрадора, пуделиные гены оказались намного сильнее – у нее была удивительно кудрявая шерсть.

– Да вы шутите, – нервно хихикнула Алекс, когда Присцилла села рядом с ней.

Линдси отрицательно покачала головой, и Алекс закричала:

– Я не возьму домой пуделя! Это неприлично!

– Прости, что? – приподняла брови Линдси.

¹⁴ Tinkerbelle – в переводе на русский язык «Динь-динь», имя феи из сказки Дж. Барри «Питер Пэн» (англ.).

– Мои друзья будут надо мной смеяться, – пропыхтела Алекс, недовольно скрестив на груди руки.

Линдси забеспокоилась. Алекс была первая, кому досталась другая собака.

– Алекс, конечно, мы должны сделать так, чтобы ты была довольна, но...

– Мне нельзя пуделя! Я живу в Брикстоне! Да, когда я записывалась в программу, я думала, мне дадут лабрадора, а не какого-то дурацкого пуделя с кудрями и прочей лабудой!

Присцилла залаяла, услышав оскорбления в свой адрес.

– Я хочу Капитана, золотистого ретривера!

Я заметила, что Эдвард улыбается мне. Поскольку никто на меня не смотрел, я улыбнулась ему в ответ.

– Не будь такой пудлефашисткой! – перебила Линдси.

– Чем? – скривилась Алекс.

– Пудлефашисткой, – повторила Линдси, порядком раздраженная капризами Алекс. – Алекс, я понимаю, что ты разочарована, и я знаю, что тебе понравился Капитан. Но разве ты не заметила, как Присцилла помогала тебе на испытательном сроке? Когда у тебя были проблемы в лифте, она взяла ситуацию под контроль. Вот о чем я постоянно твердила. Иногда вы не замечаете того, что видят тренеры. Собака выбирает вас так же, как вы выбираете его или ее.

Лицо Алекс немного смягчилось. Она посмотрела на Присциллу.

– Ну да, она мне нравилась, – наконец призналась она. – Она правда меня выбрала?

Линдси кивнула.

– Ну что? Дашь ей шанс?

Поскольку Алекс получила другую собаку, то я могла и не получить Тикета. Он мог достаться Дженни – ей он тоже понравился. В комнату ввели Тикета.

«Пожалуйста, пожалуйста, дайте его мне! Он мой любименький щеночек», – мысленно умоляла я. Тикет положил голову мне на колено.

– Он твой, – сразу же сказала Линдси, словно иначе и быть не могло.

11

Шла вторая неделя курса тренировок. Пока нам только читали лекции о том, как правильно ухаживать за собакой: уход за шерстью, физическая нагрузка, питание, игры, правильное поведение в общественных местах, психология собак (их настроения и язык тела). Также мы выучили несколько жизненно необходимых команд. Помимо этого, мы всегда должны были обращать внимание на окружающую нас обстановку. Например, если кто-то жил в студенческом общежитии, он должен был убедиться, что у его соседей нет аллергии на собачью шерсть. Это замечание было предназначено для Тома и меня. Потому что Том как раз жил в общежитии, а у моей мамы была аллергия на собачью шерсть. Но так как мама сама меня привела в центр, то мысленно она уже смирилась, что всегда будет рядом с аллергеном, и проблема была решена. Я смотрела на Тома и восхищалась его силой воли. Каждый день для Тома – борьба. В университете есть человек, который ухаживает за ним двадцать четыре часа в сутки. В тренировочном центре тоже есть такой помощник. Когда я спросила Тома, не тяготит ли его постоянное присутствие «сиделки», он ответил, что нет. Однако потом признался, что один такой помощник постоянно издевался над ним и смеялся над его слабостью, из-за чего Том месяцами плакал по ночам и почти отказался от учебы. Но он этого не сделал, потому что самым важным для него было жить самостоятельно, вдали от дома, и после окончания университета найти хорошую работу. Помощника уволили, и Тому назначили другого, который был намного добрее предыдущего.

– Я люблю маму, но она... сводила... меня... с ума! – сказал он мне, взвизгнув от смеха. Он вдохновлял меня максимально выкладываться на тренировках. Ведь если Том мог иметь собаку и заботиться о ней, то и я смогу.

Днем мы часто устраивали ролевые игры в одном из помещений для тренировок, представляя, что мы в супермаркете, или в банке, или в ресторане, или лифте, или небольшом магазинчике. Если мы стояли на пешеходном переходе, мы говорили: «Кнопка», и наши собаки нажимали передней лапой на зеленую кнопку для пешеходов. Перед нами были разложены разные предметы, а полки «магазинов» были заставлены консервными банками с тушеными бобами, которые напоминали мне о Гае. Все приготовления и тренировки вели к финальному испытанию – в конце второй недели мы отправлялись на фермерский рынок. Нас предупредили, что на рынке будет много людей.

– Вы должны быть готовы к самым неожиданным ситуациям, – предупредила Линдси.

Во время тренировок мы всегда находились под контролем. Линдси со своим блокнотом всегда находилась неподалеку. Я уверена, что видела ее вечером под дверью комнаты Тревора: она хотела узнать, как он себя вел вне тренировочного пространства. Не превращался ли он из добродушного старичка в противного старикашку, приказывающего Пандоре принести ему тапки?

– Наши собаки не роботы. – Линдси ежедневно делала упор на этот факт. – Вы должны любить их и относиться к ним с уважением.

Самым сложным было запомнить все команды. Если собака прыгает на тебя, то надо говорить не «Место», а «Фу». Существует четыре позиции рядом с инвалидным креслом, в котором может находиться собака: «Ко мне» – просите собаку встать слева от кресла, «Сзади» – позади кресла, «Вперед» – впереди кресла, «Рядом» – значит: пожалуйста, встань с правой стороны от меня. Для безопасности собаки важно знать, где она должна находиться в разных ситуациях. Линдси рассказала нам историю о собаке с предыдущего курса тренировок: она оказалась не в том месте и не в то время, когда хозяйка заходила в лифт, и двери прищемили собаке лапу, сломав ее. Я должна была усвоить такое огромное количество инфор-

мации, что мне перестали сниться кошмары. Вместо этого я просыпалась посреди ночи, в очередной раз проговаривая все команды.

Ближе к концу курса Линдси показала нам видеозаписи, на которых мы взаимодействуем с нашими собаками вне тренировочного центра. До этого я ни разу не видела себя со стороны, поэтому мне было не по себе от того, как я буду выглядеть на экране. К счастью, первым был Тревор. Мы смотрели, как он бросал теннисный мячик в поле.

– Апорт, – скомандовал он Пандоре.

У Тревора начались проблемы, когда пошел дождь. Он долго возился с дождевиком и никак не мог застегнуть куртку. Началась гроза. Тревор ругался, но собака его не понимала. Он звал Пандору, в его голосе слышалась паника.

– Почему ты запаниковал? – спросила Линдси, поставив видео на паузу.

– Забыл команды, все из головы вылетело! Их непросто запомнить, особенно в моем возрасте, – пошутил Тревор.

Линдси уперла руки в боки.

– Это плохо, Тревор.

– Я знаю, – сказал он, заерзав на стуле.

– Если ты будешь паниковать, твоя паника передается Пандоре. Видите? – Она обратилась ко всем остальным: – Пандора не знает, что делать, потому что Тревор потерял контроль над ситуацией. Дома, конечно, необязательно так строго следить за командами, но вне безопасного пространства вас и вашу собаку подстерегает множество опасностей. Поэтому очень важно сохранять спокойствие. В следующий раз будь внимательнее, Тревор. Так, Кас следующая. Ты готова?

Впервые я увидела свое отражение в зеркале в полный рост около полугода назад. Это было во время одной из наших тренировок с Полом в спортивном зале больницы. Тогда себя не узнала. После нескольких недель, проведенных в палате реабилитационного отделения, я выглядела очень бледной, а мои неподвижные ноги на металлических подставках казались мертвыми.

– Мы будем смотреть только на Тикета и на то, как он откликается на твои действия и команды, – заверила меня Линдси, чувствуя мое стеснение, и включила видео. – Итак, внимание! – плавно начала она. – Вот вы в супермаркете, и Тикет задержался перед стеллажами с шоколадом. Его, конечно, можно понять. – Она взглянула на меня, надеясь, что развеселила меня. – Но он находится в опасной ситуации. Ты должна была защитить его креслом от тележек других покупателей.

Я думала, что выгляжу лучше. Я всегда представляла себя старой доброй Кас. Рост метр восемьдесят, стройная фигура, темно-карие глаза, ноги, конечно, не как у моделей, но красивые ноги, густые русые волосы. Шон любил подкрасться ко мне сзади, когда я сидела за рабочим столом. Он обнимал меня за талию, я поворачивалась к нему, и он целовал меня в губы...

– Ты заняла правильное положение, когда подошла твоя очередь расплачиваться, – продолжила Линдси. – Но ты забыла кое-что сделать. Что именно? Кас?

Я открыла глаза, но изображение по-прежнему оставалось на экране. Сидя в кресле, я была похожа на гигантскую улитку. Я едва слышала, что говорила Линдси: что-то про конвейерную ленту, и что я должна была попросить кассира выключить ее.

– Кас, что случилось?

Я протянула руку к стакану с водой.

– Я не думала, что все настолько плохо... Я не ожидала, что я так выгляжу.

– В смысле?

– Так уродливо.

Эдвард предложил мне пачку сигарет.

– Здесь не курят, – спешно напомнила ему Линдси. Но он все равно закурил.

– Да пошла ты. Зачем ты заставляешь нас это делать? Ты не видишь, что нам неприятно смотреть на себя?

– Ну, лично я не против, – попытался разрядить обстановку Тревор. – Я-то никогда не был красавцем.

Дженни и Алекс сидели тихо, а Том смотрел на свои ноги и напевал какую-то мелодию.

– Но вы должны смотреть не на себя, а на собак, – повторила Линдси. – На то, как они с вами взаимодействуют. Это очень важная часть курса. Я знаю, вам сложно, но...

– Как мы можем не смотреть на себя, черт возьми! – закричал Эдвард.

– Эдвард! Успокойся, пожалуйста.

– Почему ты этого не понимаешь? У меня дома нет зеркал, ясно? Я ненавижу видеть свое отражение!

Линдси присела на стоявший рядом с ней стул.

– Я знаю, что это непросто. Но если ты хочешь взять Тинкербелл, ты должен оставить прошлое позади. У тебя есть шанс начать новую жизнь, Эдвард. Она не будет такой, как прежде. Ты можешь сделать ее лучше.

– Не надо разговаривать со мной, как с дебилом!

Линдси пропустила его хамство мимо ушей и произнесла:

– Ты готов к новой жизни?

– Слишком поздно. Не нужна мне такая жизнь! Я в аду. Это ад на колесах! – сказал он, покидая комнату.

В тот день вечером кто-то постучал в дверь моей комнаты.

– Войдите, – сказала я. В комнату вошла Дженни, одна из участниц программы. Рядом с ней был Капитан. Тикет тут же вскочил и завил хвостом. Они немного поиграли, пока Дженни не приказала ему:

– Место! Хороший мальчик.

Капитан лег у ее инвалидного кресла, но при этом не спускал глаз с Тикета.

– Я пришла проверить, все ли у тебя в порядке, – сказала Дженни. Она всегда говорила негромким нежным голосом.

– Да, у меня все нормально. Спасибо.

Кажется, Дженни мне не поверила.

– Честное слово, я в порядке. Но я переживаю за Эдварда.

– Мне тоже не нравится идея с видео, – заявила она.

– Правда?

– Но я хочу сделать все возможное, чтобы Капитану было со мной хорошо. Ведь его никто не спрашивал, хочет ли он быть собакой-помощником. Поэтому мы должны сделать все для наших мальчиков. – Она помолчала. – К тому же я провела двадцать два года в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.